

Годъ I.

1907.

ОТКЛАНКИ

НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— ≡ ≡ ≡ И ≡ ≡ ≡ —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 4.

Апрѣль.

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГА

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

*Объ отмены дѣйствія правилъ 3-го апрѣля 1892 г. о взыска-
ніяхъ за тайное обученіе въ губерніяхъ Западнаго края, а также
Царства Польскаго.*

Совѣтъ Министровъ полагалъ: на основаніи статьи 87
Свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ, изданія 1906
г., дѣйствіе статьи 1052¹ и примѣчанія къ ней уложенія о на-
казаніяхъ (св. зак., т. XV, по прод. 1902 г.) и отдѣла XI
приложенія къ статьѣ 1214 устава уголовного судопроизвод-
ства (св. зак., т. XVI, ч. 1, по прод. 1902 г.) отмѣнить.

Государь Императоръ, 24-го августа 1906 г., положеніе
сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, 9-го февра-
ля 1907 г., донесъ Правительствующему Сенату, для распу-
бликованія.

*О подчиненіи вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ сельскихъ учи-
лищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по инструкціи 4-го
іюня 1875 г. и приходскихъ по уставу 1828 г. училищъ.* Министръ
Народнаго Просвѣщенія входилъ въ Совѣтъ Министровъ съ
представленіемъ, въ коемъ полагалъ подчинить вѣдѣнію учи-
лищныхъ совѣтовъ сельскія одноклассныя и двухклассныя
училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, открытыя
по инструкціи 4-го іюня 1875 г., а равно и приходскія какъ
одноклассныя, такъ и двухклассныя по уставу 1828 г. учи-

лица, содержимыя на городскія или земскія средства съ пособіемъ отъ казны, а также и исключительно на казенныя средства.

Совѣтъ Министровъ, согласившись съ предположеніями Министра Народнаго Просвѣщенія и находя, что дѣло это подлежитъ разрѣшенію, согласно статьѣ 11 свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ, изданія 1906 г., въ порядкѣ Верховнаго Управленія, полагалъ: на приведеніе въ исполненіе означенныхъ предположеній испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, 24-го декабря 1906 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, 1-го февраля 1907 г., донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія.

Объ отмыннѣ установленнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 28-го января 1901 года порядка открытія народныхъ чтеній и объ установленіи на будущее время явочнаго порядка устройства таковыхъ чтеній. Министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ въ Совѣтъ Министровъ съ представленіемъ, въ коемъ полагалъ: установить на будущее время явочный порядокъ устройства народныхъ чтеній примѣнительно къ Высочайше утвержденнымъ, 4-го марта 1906 года, временнымъ правиламъ о публичныхъ собраніяхъ, не распространяя этихъ правилъ лишь на чтенія, устраиваемыя состоящею при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія постоянною комиссіею народныхъ чтеній, руководствующеюся особымъ положеніемъ (св. зак. т. XI ч. 1, уст. уч. завед., изд. 1893 г., ст. 387, прил.).

Совѣтъ Министровъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и одобривъ предположенія Министра Народнаго Просвѣщенія, полагалъ:

На приведеніе означенныхъ предположеній въ исполненіе испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, 31-го января 1907 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

О семъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, 16-го февраля 1907 г., донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія.

О допущеніи преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ въ начальныхъ училищахъ и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ варшавскаго

учебнаго округа. Министръ Народнаго Просвѣщенія входилъ въ Совѣтъ Министровъ съ представленіемъ, въ коемъ полагалъ:

I. Установить, что всѣ предметы начальнаго обученія въ одноклассныхъ и первыхъ классахъ прочихъ начальныхъ училищъ вѣршавскаго учебнаго округа, учреждаемыхъ для дѣтей нѣмецкой народности, въ случаѣ ходатайства о томъ учредителей, могутъ быть преподаваемы на родномъ языкѣ учащихся, нѣмецкомъ, за исключеніемъ русскаго языка, который и въ школахъ этого типа остается обязательнымъ для всѣхъ и преподается на русскомъ языкѣ.

II. Разрѣшить въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, открываемыхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго для лицъ нѣмецкаго происхожденія, преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, въ случаѣ ходатайства о томъ учредителей учебныхъ заведеній примѣнительно къ основаніямъ, изложеннымъ въ Именномъ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату 1-го октября 1905 г. относительно преподаванія въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на польскомъ и литовскомъ языкахъ.

Совѣтъ Министровъ, не встрѣтивъ, по разсмотрѣніи дѣла, препятствій къ утвержденію изъясненныхъ предположеній Министра Народнаго Просвѣщенія и находя, что настоящій вопросъ подлежитъ разрѣшенію, въ порядкѣ статьи 11 Основныхъ Государственныхъ законовъ (свод. зак. т. I ч. 1 изд. 1906 г.), въ путяхъ Верховнаго Управленія, полагалъ:

На приведеніе въ исполненіе означенныхъ предположеній испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, 31 января 1907 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, 13 февраля 1907 г., донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По гражданскому вѣдомству,

17-го февраля 1907 года, № 10:

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По западно-сибирскому учебному округу.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтн.*: инспекторъ народныхъ

училищъ 3 района Акмолинской области **Бривоноговъ**—съ 1-го января 1906 г.; врачъ томскаго учительскаго института и томскаго четырехкласснаго городского училища **Лоловицкій**—съ 20-го апрѣля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель туринскаго трехкласснаго городского училища **Мяениковъ**—съ 16-го октября 1894 г. и учитель-завѣдующій Маріинскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ **Кутузовъ**—съ 20-го іюля 1906 г.; изъ титул. р-ныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель омскаго пятикласснаго городского училища **Воиновъ**—съ 1-го января 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель омскаго пятикласснаго городского училища **Шебалинъ**—съ 1-го сентября 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари* учитель омскаго Николаевскаго мужскаго приходскаго училища **Степановъ**—съ 16 августа 1905 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: учитель бійскаго Пушкинскаго городского училища **Ивановъ**—съ 1-го сентября 1899 г.; первый учитель павлодарскаго Владимірскаго трехкласснаго городского училища **Чебыкинъ**—съ 1-го августа 1902 г. и учитель тюкалинскаго двухкласснаго городского училища **Еремѣевъ**—съ 1 іюля 1902 г.; *коллежскаго регистратора*: помощникъ учителя Маріинскаго двухкласснаго городского училища **Неведоровъ**—съ 1-го декабря 1901 г. и учитель чистописанія, черченія и рисованія томскаго четырехкласснаго городского училища **Метюшевъ**—съ 1-го іюля 1902 г.

Отъ 24 Февраля 1907 г., № 12:

НАЗНАЧАЕТСЯ директоръ нижегородскаго владимірскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Глазовъ** директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, съ 21 февраля.

УВОЛЬНЯЕТСЯ отъ службы, за выслугою срока, директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Меліоранскій**, съ 21 февраля, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „Атласъ плодовъ. Сочиненіе, составленное подъ общей ред. А. С. Гривнишкаго. Изданіе Императорскаго Русскаго Общества плододовства. Вып. IV. С.-Пб. 1906. Стр. XXIII+ (431—589). Цѣна 6 руб.“

— „Дилевская, Н. Черноморскія степи. (Геогр. комиссія при учебномъ отдѣлѣ общ. распротр. технич. знаній). Изданіе т-ва И. Д. Сытина М. 1905. Стр. 127. Цѣна 40 коп.“

— „Карлейль, Томасъ. Тенерь и прежде. Переводъ съ англ. Н. Горбова. М. 1906. Стр. XXII+450. Цѣна 3 р.“

— „Костинскій, С. О. А. Бредихинъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Изданіе журн. „Физикъ-любитель“. Николаевъ 1905. Стр. 25“.

— Любитель природы. Журналь, издаваемый подъ ред. И. И. Мамонтова. С.-Пб. Подписная цѣна за полугодіе 2 р.“

— „Обзоры по физикѣ за 1906 годъ. (Январь—іюнь). Редакція В. К. Лебединскаго. Изданіе физическаго отдѣленія русскаго физикохимическаго общества. С.-Пб. 1906. Стр. 80. Цѣна 75 коп.“

— „Поръцкій, С. А. Зеленый міръ. Бесѣды о жизни растенія. (Библиотека для дѣтей и юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1903. Стр. 165. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 руб. 10 коп.“

— „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій ¹⁾. Собраніе портретовъ русскихъ людей эпохи царствованій Императрицы Екатерины II, Императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Томъ I, вып. 1—4. С.-Пб. 1905. 100 таблицъ.— Томъ II, вып. 1—5. С.-Пб. 1906. 75 табл. Подписная цѣна

¹⁾ Ученымъ комитетомъ признаны заслуживающими особой рекомендаціи

за томъ въ 4 выпуска 50 руб., для учебныхъ заведеній—35 р.“ (также по подпискѣ на будущее время).

— „*Соловьевъ, К. Н.* Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). С.-Пб. 1906. Стр. 318“.

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Бълоха, П.* Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Переработалъ *А. Соколовъ*. Изд. 38-е В. В. Думнова. М. 1906. Стр. 178. Цѣна 70 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., учил.

— „*Корханиди, П.* Живое слово. Часть I. Азбука. Изд. 4-е. Тифлисъ. 1906. (Учебникъ русскаго языка по наглядно-переводному методу для греческихъ училищъ).—То же для армянскихъ училищъ.—То же для грузинскихъ училищъ. Стр. 110+1 табл. Цѣна каждой кн. 25 коп.“

— „*Корханиди, П. М.* Живое слово. Часть II. Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. Изд. 4-е. Тифлисъ. 1906. Стр. 174+II. Цѣна 35 коп.“

— „*Корханиди, П.* Начальная русская хрестоматія (съ элементарной русскою грамматикой). Часть I. Изд. 5-е Тифлисъ 1906. Стр. 440+VI. Цѣна 70 коп.“ (также для младшихъ классовъ среднихъ уч. зав., въ качествѣ пособія).

— „Новая народная школа. Первая послѣ буквара книга для класснаго чтенія. Составлена кружкомъ учителей подъ ред. *Ө. Борисова* и *Н. Лаврова*. Изд. *К. И. Тихомирова*. М. 1907. Стр. 158. Цѣна 30 коп.“

— „*Плетеневъ, И.* Учебникъ всеобщей географіи. 8-е испр. изд., *М. М. Гутзаца*. С.-Пб. 1906. Стр. 185. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., учил.).

— „*Плетеневъ, И.* Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. Курсъ III и IV года обученія. 8-е изд. *М. М. Гутзаца*. С.-Пб. 1906. Стр. 99. Цѣна 50 коп.“

— „*Савеловъ, М.* Пособіе при обученіи чистописанію. Прописи русскія. Изд. 6-е, А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. IV+20 табл. Цѣна 20 коп.“

— „*Сатаровъ, В. Н.* Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изд. 4-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 72+1 карта. Цѣна 15 коп.“

— „*Флеровъ, А.* Дѣтскій другъ. Первая послѣ букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и для домашняго обученія. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 173+3. Цѣна 35 коп.“

— „*Флеровъ, Всев.* Новый русскій букварь для обученія чтенію и письму. Изд. М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1906. Стр. 79. Цѣна 15 коп.“

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аксаковъ, С. Т.* 1) Дѣтскіе годы Багрова внука. М. 1900. Цѣна 1 р. 25 коп.—2) Семейная хроника. М. 1898. Цѣна 1 р. 75 коп.—3) Аленькій цвѣточекъ. Сказка. С.-Пб. 1897. Цѣна 10 коп.“

— „*Линдеманъ, К. Э.* О насѣкомыхъ. Изд. К. Тихомирова. (Бібліотека учебн. книгъ. Отдѣлъ естествознанія). М. 1906. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

— „*Линдеманъ, К. Э.* О червяхъ и ихъ вліяніи на здоровье и жизнь человѣка и домашнихъ животныхъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1906. Стр. 77. Цѣна 20 коп.“

— „*Павловъ, А.* Природа. Краткій курсъ естествовѣдѣнія. Изд. А. В. Павлова. М. 1906. Часть I. Изд. 2-е, испр. и перераб. Стр. IV+128. Цѣна 50 коп.—Часть II. Стр. IV+245. Цѣна 80 коп.—Часть III. Стр. IV+263. Цѣна 90 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Поливановъ Левъ.* Первая пчелка, книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Изд. 13-е М. 1906. Стр. XIII+385. Цѣна 55 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета).

— „*Сатаровъ, В., и А. Тороровъ.* Родная нива. Книга для чтенія. Изд. 3-е, К. Тихомирова. М. 1906. Стр. 434+IV.

Цѣна 85 коп.“ (также для младшихъ классовъ средн. уч. зав., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Сахаровъ, Ив. П.* Родной міръ. Первая послѣ буквара книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. В. Спиридонова и А. Михайлова. М. 1906. Стр. 198. Цѣна 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Ачавадоръ*, еп. Воскресенскій храмъ и его приходъ Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Ставрополь. 1906. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

— „*Думскій, Ф. И.* Золотыя слова. Сборникъ проповѣдей русскихъ церковныхъ витій. Изд. П. П. Сойкина С.-Пб. 1905. Стр. 215. Цѣна 50 коп.“

— „*Крюковъ, И. А.* Праздники древонасажденія, какъ ихъ устраивать и какъ заводить посадки. Изд. т-ва И. Д. Сытина М. 1905. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „*Линдеманъ, К. Э.* О насѣкомыхъ. Изд. К. Тихомирова. (Библіот. учебныхъ книгъ. Отдѣлъ естѣствознанія). М. 1906. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

— „*Линдеманъ, К. Э.* О червяхъ и ихъ вліяніи на здоровье и жизнь человѣка и домашнихъ животныхъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1906. Стр. 77. Цѣна 20 коп.“

— „*Портыцкій, С. А.* Зеленый міръ. Бесѣды о жизни растенія. (Библіот. для дѣтей и для юношества, подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1903. Стр. 165. Цѣна 90 коп., въ пакѣ 1 руб. 10 коп.“

— „*Русаневичъ, А.* Помощь крестьянамъ. Бесѣды съ сельскими хозяевами объ улучшеніяхъ быта крестьянскаго поселенія. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1906. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“

— „*Фильборкъ, Г., и В. Чарнолуцскій.* Испытанія на званія учителя уѣздн. училища; домашн. учителя; городского учителя; учителя начальныхъ училищъ; инородческихъ на-

чальныхъ училищъ; преподавателя мусульманскаго закона, грузинскаго, армянскаго и татарскаго языковъ; учителя З. Божія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія; учителя рисованія, черченія и чистописанія; учителя церковно-приходскихъ школъ; для занятія магометанскихъ духовныхъ должностей; на должности раввиновъ и подраввиновъ; на вольноопредѣляющагося II разряда; на аптекарскаго ученика и на первый классный чинъ Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ во всѣхъ учебныхъ округахъ. Изданіе 3-е, пересм. и допол., тов. „Знаніе“. С.-Пб. 1906. Стр. 244. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Чупровъ, А. И.* Реформы земледѣлія въ Италіи. (Библиот. „Свободная Россія“, № 23. Подъ общей ред. *С. П. Мельникова* и *П. М. Шестакова*). Изд. *Е. В. Кожвицкой* и *Е. А. Коломійцевой*. М. 1906. Стр. 52. Цѣна 15 коп.

— „*Шнейдеръ, В.* Расхищеніе питательныхъ веществъ нашей почвы. С.-Пб. 1906. Стр. 15. Цѣна 25 коп.“

ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО УЧИТЕЛЯ.

Предисловіе къ предисловію. Предлагаемая рукопись написана мною четыре года назадъ. Но такъ какъ въ то время не было такихъ журналовъ, гдѣ учитель могъ бы свободно, не стѣсняясь выражать то, что у него наболѣло, то я и не посылалъ ее никуда. Теперь получивъ объявленіе объ изданіи «Откликовъ народнаго учителя и его досуговъ» — журнала, гдѣ учителя могутъ дѣлиться своими мыслями и взглядами и проч., я перечиталъ рукопись и, найдя, что положеніе учителя нисколько не измѣнилось къ лучшему въ эти четыре года, рѣшилъ послать ее въ новый журналъ въ надеждѣ, что редакторъ, поставившій себѣ столь симпатичную цѣль, не откажетъ напечатать ее. Ну, а если откажетъ, то... что дѣлать? попрошу возвратить рукопись мнѣ: пусть лежитъ на память...

Предисловіе. Многоуважаемые читательницы и читатели! Я хочу вамъ рассказать нѣчто изъ жизни и положенія учительскаго. Не удивляйтесь, что я возымѣлъ смѣлость описать то, что пришло услышать изъ устъ начальнаго же народнаго учителя, каковымъ состою и я. Правда, рассказывая случай изъ жизни учителя-же, я вполнѣ увѣренъ, что у многихъ изъ читателей я вызову недоувѣріе по пословицѣ «воронъ ворону глазъ не выклюнетъ» т. е. скажетъ ли, дескать, учитель что-либо не въ интересахъ учителя-же. Но пусть такъ думаютъ люди недоувѣрчивые, я-же все таки, по возможности, постараюсь припомнить и рассказать все, что только слышалъ самъ. Повѣрятъ ли, не повѣрятъ-ли-все равно, польза одна для насъ бѣдныхъ тружениковъ, а я все-жъ таки

считаю долгомъ дать гласность тому, что пришлось выслушать и прочувствовать самому. Впрочемъ, во всемъ этомъ рассказѣ и нѣтъ ничего такого, что могло-бы быть невѣроятнымъ. Всякому сомнѣвающемуся все это можно прослѣдить, провѣрить частью по газетамъ того времени, которыя, спасибо имъ, все-жъ таки удѣляли клочекъ изъ мѣста и времени для сообщеній и описаній о положеніи учителя и о нѣкоторыхъ, довольно таки неотрадныхъ фактахъ изъ его жизни, а частью изъ самой жизни, изъ дѣйствительности, стоитъ только захотѣть это сдѣлать. Да кромѣ того, откуда и узнать достоверно о томъ или другомъ положеніи учителя, какъ не изъ устъ его самого? А между тѣмъ у насъ какъ-то не въ обычаѣ обращать вниманіе на жизнь и на то положеніе начальныхъ народныхъ учителей, какое они занимаютъ во всѣхъ слояхъ общества, въ жизни и предъ начальствомъ, на вопросъ, каково имъ живется: тяжело,-ли-легко-ли, горько-ли, сладко-ли. Повторяемъ: кто лучше учителя можетъ рассказать о его, подчасъ невыносимомъ, положеніи, о его безотрадномъ будущемъ, о его придавленности и приниженности въ настоящемъ, о его совершенномъ безсиліи не только умалить свою виновность хотя бы своими непосильными и не вполнѣ оплаченными трудами, но и отстоять свою безвинность. Правда, писать о себѣ, о цѣлой корпораціи своихъ собратій, а тѣмъ болѣе жалобиться на свое положеніе не въ модѣ, не принято, не прилично и можетъ быть даже безчестно, но я все-жъ таки переступлю эту преграду невозможности; кажется подлаго тутъ ничего нѣтъ, если я расскажу, что было, случилось въ самомъ дѣлѣ въ жизни нашего начального народнаго учителя. Если я—учитель и поступлю безчестно, передавая рассказъ изъ жизни учителя, то исключительно предъ своими братьями-учителями, нарушая ихъ молчаливость и терпѣливую готовность переносить мужественно все, въ какіе бы тиски ни поставляла ихъ окружающая среда... Итакъ: если кто изъ читателей обвинитъ меня въ томъ, что я первый изъ учителей возвышаю голосъ самъ о себѣ, о своемъ-же неотрадномъ положеніи и найдетъ мой поступокъ безчестнымъ, то пусть помнитъ и то, что безчестно поступаетъ и тотъ, кто забываетъ «свою меньшую, слабую братію»; это уже противно какъ законамъ христіанскимъ, такъ и законамъ обще-человѣческимъ, гражданскимъ. Вѣдь и мы тоже люди! И мы хотимъ

жить, и не только жить, а и честно и благородно трудиться и приносить посильную дань для родины, для общего блага народа. Такъ почему же не обратить вниманіе на то, что злые люди нерѣдко лишаютъ насъ возможности благороднаго труда при тѣхъ условіяхъ опять таки «учительскаго положенія», въ которомъ онъ находится въ настоящее время. Мы желаемъ себѣ очень немногаго: защитите отъ каверзъ тѣхъ, которые жертвуютъ судьбою учителя-труженика лишь по капризу своихъ знакомыхъ, въ силу уступчивости изъ-за свѣтскихъ «приличій» и вѣжливости. Можетъ быть многіе и изъ насъ такъ же бы желали трудиться и работать для блага народа и родины, какъ и тѣ, играющіе судьбою учителя. Правда, мы люди маленькіе; но отсюда не слѣдуетъ, что мы должны быть обойдены, забыты. Польза, приносимая нами и всѣми, подобными намъ, по моему крайнему убѣжденію, есть какъ бы фундаментъ, начало для всѣхъ отраслей дѣятельности, есть какъ бы рычагъ, который даетъ движеніе всему.

Такъ вотъ и войдите въ положеніе учителя и помогите ему, кто чѣмъ можетъ: утѣшите его кто словомъ, кто дѣломъ, а мы и малому будемъ очень рады, — по крайней мѣрѣ увидимъ, что не вполнѣ забыты. Я знаю, многіе обвиняютъ самого же героя (если только можно такъ назвать его) этого разсказа въ томъ, что онъ не понимаетъ жизни — жить и работать не для личныхъ, а общечеловѣческихъ интересовъ, что онъ не воспиталъ въ себѣ подлежащей силы воли, что онъ постыдно бѣжалъ съ поля битвы, уступилъ сразу встрѣтившимся препятствіямъ, что онъ не больше, какъ слабый, безхарактерный, мелочной человѣкъ и проч.; но, читатели, всѣ мы люди, какъ люди, а не идеалы: «пусть же, скажу я словами Высшаго Учителя, кто изъ васъ безъ грѣха первый броситъ въ него камень». Вѣдь и я счумѣлъ бы научиться быть почтовымъ или акцизнымъ чиновникомъ и вообще однимъ изъ тѣхъ, о положеніи, обезпеченіи и обезпеченности которыхъ такъ или иначе заботятся, но надо-же-быть кому нибудь и «забытымъ начальнымъ народнымъ учителемъ», не имѣющимъ ровно никакихъ правъ и обезпеченій какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Да и можемъ ли мы обвинять его во всемъ этомъ, не зная досторѣрно всей его жизни?

Итакъ, читатели, выслушайте разсказъ о судьбѣ и положеніи учителя, взятый изъ самой жизни, безъ предубѣж-

денія, какъ «настоящіе люди», въ надлежащемъ смыслѣ этихъ словъ и повѣрите ему на мое честное слово, какъ я повѣрилъ ему по видѣннымъ мною документамъ и частью по опыту.

А вы, братья—труженики, простите мнѣ, что я возвышу голосъ о нашѣмъ весьма незавидномъ положеніи и выскочу впередъ, выскочу и . . навѣрное, не найдя сочувствія, участія въ обществѣ, также скоро и осядусь, а можетъ быть и осадятъ ..

Теперь приступимъ къ разсказу, благо, случай представился; попытаемъ-же.

Дѣло было зимою. Былъ ясный морозный день съ легкимъ, но жгучимъ, а потому довольно чувствительнымъ вѣтеркомъ. День склонился къ вечеру, и солнце совсѣмъ уже слилось съ горизонтомъ. Только что я кончилъ послѣднюю занятія въ школѣ и вошелъ въ свою квартиру, намѣреваясь прилечь и немного вздохнуть на свободѣ отъ своихъ трудовъ, какъ услышалъ голосъ вошедшаго человѣка: «господинъ учитель у себя будетъ»? На этотъ вопросъ я не замедлилъ выйти къ спрашивавшему. Предо мной стоялъ довольно чистенько одѣтый, но уже, видимо, въ потертомъ порядочно платьѣ, господинъ на видъ лѣтъ 42—45. На мой вопросъ, что ему нужно, онъ довольно взволнованнымъ голосомъ заявилъ мнѣ, что онъ былъ такимъ же учителемъ, какъ и я, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ долженъ былъ выйти изъ учителей, а теперь обращается ко мнѣ за помощію, такъ какъ у него ни копѣйки нѣтъ денегъ, а безъ гроша въ дорогѣ быть неудобно. «Я обратился за помощію здѣсь въ селѣ прямо къ вамъ, а не къ кому-либо другому, такъ какъ вполне убѣжденъ, что пужды учителя можетъ понять только учитель: какъ ни бѣденъ учитель, но, я увѣренъ, онъ всегда подѣлится съ своимъ «братомъ», находящимся въ нуждѣ и лишеніяхъ, потому что отлично понимаетъ ихъ. Говоря эти слова, я остаюсь въ полной надеждѣ, что вы не примете ихъ за извѣстнаго рода тактику разныхъ попрошаекъ и словами, подобными словамъ Евангельскаго больного, обращенными къ Спасителю съ просьбою объ исцѣленіи, — *если хотите, то поможете мнѣ*, закончу свою просьбу». Я былъ частью пораженъ положеніемъ этого бѣднаго странника, бывшего

своего собрата—труженика и еще болѣе пораженъ и заинтересованъ его судьбою, когда онъ мнѣ сказалъ, что потерпѣлъ несправедливо и теперь странствуетъ. Я былъ заинтересованъ еще и потому, что могъ услышать интересный и можетъ быть назидательный рассказъ изъ жизни учителя лично изъ устъ, ибо такая откровенность учителей о ихъ жизни и невзгодахъ бываетъ на рѣдкость, потому что учитель, по большей части, молча переноситъ все на своей груди. Я попросилъ его, если только онъ не почтетъ этого за мою педеромность, рассказать о томъ, что съ нимъ было.

Онъ изъявилъ полную готовность, но прежде, чѣмъ начать рассказъ, спросилъ меня:

— Имѣете ли вы настолько мужества и хладнокровія, чтобы, выслушавъ рассказъ о моей неприглядной безотрадной жизни, не потерять любви, призванія и энергіи къ учительству?... Впрочемъ, можетъ быть лишь только на мнѣ вся эта тяжесть черной страницы моего служенія на учительскомъ поприщѣ могла оставить такія печальныя послѣдствія,—полнѣйшее разочарованіе въ возможности благороднаго труда въ много лѣтъ любимомъ мною дѣлѣ учительства. Какое дѣло людямъ до чужихъ печалей, когда многіе не знаютъ ихъ или не хотятъ видѣть, какъ страдаютъ матеріально, а еще болѣе нравственно (онъ особенно подчеркнул это слово) другіе... Итакъ, вы готовы выслушать горькій, тяжелый для меня рассказъ изъ моей учительской жизни, отъ случайностей которой не застрахованы и вы, особенно при настоящемъ положеніи начальныхъ учителей?

Я, конечно, поспѣшилъ успокоить его и увѣрить въ моей готовности выслушать мужественно все, что бы ни пришлось услышать, и помочь ему, чѣмъ могу.

— Полноте, коллега! Чѣмъ вы можете помочь мнѣ? Развѣ только своими жалкими грошами? Иначе, что вы можете сдѣлать для меня? Какія у васъ связи? Съ кѣмъ? Куда годна ваша протекція? Кто хорошъ, особенно сердеченъ съ вами?... Но не буду вдаваться въ излишнія разсужденія: Богъ знаетъ, можетъ быть вы уже убѣдились въ этомъ по личному опыту; а если еще ваша жизнь и ваша среда не задавала вамъ этихъ вопросовъ, то увѣренъ, что рано или поздно, если только, конечно, не измѣнятся общія условія жизни начальныхъ учителей, ознакомитесь съ ними. А теперь приступимъ къ

объщанному разсказу. Хотя трудно мнѣ все снова пережить въ разсказѣ, но все-же удовлетворю любопытство моего товарища—учителя (извините, что я васъ такъ называю), благо, что не часто мнѣ приходится и разсказывать объ этомъ, потому что не въ моемъ обычаѣ жаловаться на жалкую судьбу свою, да, по правдѣ сказать, и мало найдется интересующихся горькимъ положеніемъ бѣднаго труженика—учителя.

Я сынъ бѣдныхъ родителей. Отецъ мой былъ кузнецъ, но я почти и не помню его: когда онъ умеръ, мнѣ было не болѣе 4—5 лѣтъ. Другой братъ мой былъ постарше меня. Мать на мѣдные гроши воспитала насъ и обучила грамотѣ. Брата отдала потомъ въ услуженіе господамъ (онъ и теперь живетъ въ должности конторщика въ помѣщичьемъ имѣніи), а меня, по совѣту добрыхъ людей, помѣстила въ II-ую учительскую семинарію, гдѣ и жила вмѣстѣ со мною на получаемую мною стипендію. Не буду растрогиваться о томъ, какъ мы жили и какъ сводили концы съ концами. Но вотъ я кончила курсъ... Помню, какъ сейчасъ, эту самую отрадную часть въ моей неприглядной, можно сказать неудачной жизни.. Сколько энергіи, сколько благихъ идей и добрыхъ задатковъ заложено было въ душу мнѣ моими добрыми воспитателями! Да, я готовъ былъ со всею силою броситься въ водоворотъ невзрачной учительской жизни; готовъ былъ отдать всѣ свои молодые силы на дорогое, излюбленное мною, благое дѣло—воспитаніе и обученіе молодого поколѣнія.. Я думать не хотѣлъ, чтобы мнѣ кто помѣшалъ честно и благородно трудиться, но... Помѣшали, и не только что помѣшали, а лишили меня этой возможности.. Впрочемъ, я забѣгаю впередъ. Вотъ наконецъ я и учитель. Вошелъ въ самостоятельную, одинокую и непривычную для меня жизнь. Страшно и дико: я одинъ. Принялся за дѣло, но, не имѣя еще надлежащей опытности, съ слабымъ успѣхомъ. Что дѣлать? Куда обратиться за помощью, за совѣтомъ? Дорогихъ моихъ товарищей по семинаріи, съ которыми я дѣлилъ всѣ радости и горе, около меня не стало; сѣздить къ сосѣднимъ учителямъ еще нѣтъ средствъ (подводы общественной не даютъ), близкихъ знакомыхъ нѣтъ. Принялся серьезно за дѣло, сталъ готовиться къ урокамъ,—дѣло пошло по немногу впередъ. Отъ сердца отлегло немного, но тутъ пошли неприятности извнѣ: не понравился барину, не поздравилъ фабриканта съ празд-

никомъ, фабрикантъ не такъ воздалъ почтеніе,—всѣ обижаются, всѣ жалуются. А тутъ дровъ нѣтъ, топить нечѣмъ; на просьбы никто вниманія не обращаетъ. Явился сельскій староста съ жалобой,—зачѣмъ такъ долго занимаюсь съ ребятами, почему не оказываю ему особеннаго почтенія, и пошло и пошло. Поѣхалъ въ волостное правленіе получить жалованье, отказъ -- денегъ нѣтъ, не собраны; явился другой разъ-старшины не засталъ; старшину засталъ-не даетъ, ломается. Что дѣлать? Куда жаловаться? Но вотъ исходъ: слышно-ѣдетъ инспекторъ; думаю, расскажу ему все, авось дѣло поправится. Но и тутъ неудача: «почему ученики сидятъ одѣвшия: почему не умѣютъ держать себя по отношенію къ начальству, почему ихъ мало; почему по этому предмету пройдено мало, отчего по Закону Божию знаютъ плохо?» «Да вѣдь по Закону Божию занимается»... «Все равно, и вы отвѣчаете за это»... Забылъ я и про жалобы свои. Думаю,—что дѣлать? Вездѣ нежданная неудача.. Но не надоѣлъ ли я вамъ своими продолжительными и довольно таки неинтересными подробностями?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ продолжалъ:

— Да, коли заявили свое любопытство, такъ ужъ имѣйте терпѣніе дослушать. Я хоть еще разъ переживу тѣ ощущенія, какія мнѣ пришлось испытать въ дѣйствительной жизни; можетъ быть, да и навѣрное, мнѣ не придется еще возвращаться къ этому печальному для меня разсказу, такъ какъ ровно никакой пользы въ этомъ пересказываніи я не вижу для себя...

Да, что дѣлать мнѣ, совершенно еще неопытному, только что сошедшему съ семинарской скамьи и привыкшему къ отеческимъ заботамъ своихъ воспитателей? Гдѣ искать помощи, защиты? Нигдѣ я ихъ не искалъ, да, навѣрное, нигдѣ бы и не нашелъ. Но я былъ молодъ, у меня еще были силы, энергія и готовность бороться съ этими неудачами, и дѣйствительно, съ такими безкорыстными помощниками я поборолъ ихъ. Съ годами я приобрѣлъ опытность, и дѣло по школѣ пошло прекрасно. Взглядъ начальства перемѣнился,—пошли денежные награды, и въ концѣ концовъ получилъ письменную благодарность отъ Уѣзднаго Училищнаго Совѣта за усердныя и успѣшныя школьныя занятія. Вотъ, если угодно, посмотрите,—я сохранилъ ее на память.

При этомъ онъ досталъ изъ своей памятной книжки сложенный вчетверо и довольно таки помятый листокъ бумаги.

Это и была печатная благодарность отъ Училищнаго Совѣта за дѣйствительнымъ подписомъ предсѣдателя, инспектора и другихъ членовъ совѣта. Слѣдовательно, сомнѣваться въ вѣрности его разказа я не имѣлъ основанія, хотя я и раньше ни на минуту не сомнѣвался, зная многое по опыту.

— Итакъ, съ одной стороны горизонтъ моей жизни просвѣтлѣлъ; оставались лишь разныя дразги и непріятности извнѣ, по нужда чего не дѣлаеть: я свыкъся съ своимъ положеніемъ, махнулъ на все рукой, оставилъ всякія претензіи на какія либо жалобы на разныхъ сельскихъ и вообще провинціальныхъ «воротиль» и вполнѣ отдался своему дѣлу, благо—силы было еще много ..

— «Но, послушайте, какъ же вы жили, когда васъ такъ тѣснили и даже не выдавали своевременно жалованья?» спросилъ я.

— Да такъ и жилъ; свѣтъ все-же не безъ добрыхъ людей,— они и выручали, въ долгъ давали.

— «Но почему же вы не жаловались по начальству? Почему, напр., не вошли съ ходатайствомъ къ земскому начальнику?»

Я хотя по опыту и зналъ о подобныхъ притѣсненіяхъ и ломаніяхъ нашихъ сельскихъ представителей и не мало приходилось видѣть и слышать отъ другихъ учителей объ этомъ но мнѣ еще хотѣлось убѣдиться, узнать, такова ли жизнь тамъ, далеко отъ меня, и я убѣдился .

— Эхъ, другъ! Куда ужъ жаловаться учителю? Ему самому-то надо постоянно озираться «сѣмо и овамо», чтобы его не «съѣли»... Да и что толку-то въ этихъ жалобахъ? У этихъ «тертыхъ калачей», сельскихъ заправилъ, прошедшихъ всю житейскую науку надувательской опытности, какъ у лисы, семьдесятъ семь ухватокъ и семьдесятъ семь увертокъ, которыя у нихъ всегда и наготовѣ на случай отвѣта, а учитель съ своими справедливыми жалобами останется ни при чемъ, только лишнихъ враговъ наживетъ себѣ. Вы думаете, не было опытовъ жаловаться? Только, вѣрьте, почти всегда оставался виноватъ самъ же учитель; да вотъ дальше нѣчто въ этомъ родѣ увидите изъ разказа.

— Да, много я перетерпѣлъ отъ однихъ лишь сельскихъ заправилъ! Сколько душевнаго волненія, косвенныхъ обидъ и непріятностей пришлось вынести лишь только по по-

воду полученія жалованья, заслуженнаго жалованья, этихъ жалкихъ грошей, ради которыхъ я потерялъ теперь свои силы, свое здоровье, растратилъ свою молодость на излюбленное мною дорогое школьное дѣло, и теперь вотъ съ расплывшимся здоровьемъ, съ испорченными нервами я очутился за бортомъ.. Жаль, очень жаль, что дали на излюбленномъ мною поприщѣ учительства положить мое здоровье на благо народа и отечества, но не дали положить мнѣ тамъ же и жизнь мою и такимъ образомъ съ достоинствомъ уйти съ поля битвы со всѣми невздамъ: невзрачной учительской жизни!..

Тутъ онъ такъ глубоко вздохнулъ, что я невольно сдѣлалъ тоже. При послѣднихъ словахъ его голосъ сильно дрожалъ и казалось, что вотъ-вотъ хлынуть затаенныя слезы, прольются рѣкою изъ глазъ этого не столько матеріально, сколько нравственно страдающаго челоуѣка, и можетъ быть облегчать его душу; но я не дождался этихъ слезъ.. Впрочемъ, я и забылъ на этотъ разъ, что учитель не долженъ плакать. Учитель долженъ жить и служить ради призванія, не долженъ заниматься житейскими матеріальными вопросами, не долженъ быть поденщикомъ, долженъ переносить терпѣливо все, что ни придется перенести; онъ не долженъ хныкать, что ему жить и трудиться благородно нѣтъ возможности, невыносимо. Никому нѣтъ дѣла, что онъ таетъ, какъ свѣчка, не по днямъ, а по часамъ, питается пылью вмѣстѣ съ своею скудною пищею при маломъ жалованьи, исполняя эту египетскую работу. Въ самомъ уже званіи «учитель» у насъ привыкли видѣть какой-то идеаль безкорыстія. Разъ ты учитель, то и долженъ быть въ полномъ смыслѣ такимъ «учителемъ», т. е. нести безирекословно тотъ крестъ, который какъ бы не дѣлимъ съ самымъ званіемъ «учителей». Такъ я по крайней мѣрѣ появлялся изъ его разсказа и подлинно къ такому убѣжденію пришелъ потомъ.

— «Можетъ быть вамъ слишкомъ тяжело вспоминать ваше горькое прошлое? тогда, пожалуйста, не насилуйте себя. Мнѣ даже кажется, что вы...»

— Нѣтъ, не безпокойтесь, — плакать я не стану: учитель плакать не можетъ и не долженъ, — у него нѣтъ слезъ, его слезы сухія. Жизнь учителя, его совершенная незащитность и безпомощность и его полнѣйшая изолированность отъ общества такъ обыкновенны, а разныя непріятности, невздо-

ды и оскорбленія отъ окружающихъ на столько нераздѣльны съ нимъ изо дня въ день, что если бы учителю плакать о всемъ, то не хватило бы слезъ и на пѣсковокко дней. Да и къ чему его слезы? Чѣмъ онѣ могутъ помочь учителю? Учитель тогда только и «учитель», когда терпѣливо несетъ свой крестъ, какъ опредѣлило ему большинство безкорыстныхъ дѣателей (но безкорыстныхъ лишь на чужой счетъ), когда онъ долженъ хныкать, но не хнычетъ. Учитель о всемъ долженъ заботиться и безнокопиться, что касается блага другихъ, но ни словомъ не заикаться о своемъ жалкомъ положеніи, о своей нерѣдкой голодовкѣ, о своей необезпеченности не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ; впрочемъ какъ думать учителю о будущемъ, когда не велятъ заботиться и о настоящемъ? тогда, вишь, ты и ноденьщикъ, и нѣемникъ, а не учитель, а такіе учителя совсѣмъ нежелательны. Но кто же, спрашивается, будетъ заботиться о нуждахъ учителя, имѣющаго жену и кучу дѣтей и ровно не имѣющаго никакихъ запасныхъ средствъ? Теперь еще пока учитель кормитъ себя и свою семью, но что будетъ потомъ? Куда дѣвать дѣтей, какъ они подрастутъ? Этихъ вопросовъ избѣгаютъ требующіе идеальныхъ учителей...

— «Виновать, я перебыю васъ: вы женаты и вообще семейны?»

— Нѣтъ, Богъ спасъ меня отъ двойного грѣха: я холостъ, а жившая со мною мать прилѣпилась теперь кое-какъ къ моему брату, тоже весьма бѣдному, но женатому человѣку. Не завидна ей тамъ будетъ жизнь по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, но мы не будемъ вдаваться въ семейную интимную жизнь постороннихъ людей.

— «Вотъ вы на мой вопросъ—женаты ли вы, отвѣтили, что Богъ избавилъ васъ отъ двойного грѣха; но въ чемъ же вы видите тутъ такой грѣхъ?»

— Да какъ же, другъ? Теперь я одинъ, а пословица говорить, что одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна: всѣ невзгоды и всѣ несчастья теперь знаютъ лишь меня одного; перенося разныя неудачи жизни, я одинъ лишь и грѣшу, завидуя подчасъ другимъ и съ ропотомъ перенося всѣ эти лишеныя. А тогда со мной бы мучилась и жена, со мной бы плакали и страдали и ни въ чемъ виновныя дѣти, а бы долженъ былъ отвѣчать за ихъ ропоть, за ихъ жалобы и, Богъ знаетъ, можетъ быть и еще за что...

— «А сколько вамъ лѣтъ?»

— А вы какъ-бы думали?

— «Да по внѣшнему виду, по вашей съ просьбѣю головѣ, при всей вашей неудачной жизни можно дать 43—44 года».

— Нѣтъ, мнѣ всего лишь 36 лѣтъ, изъ нихъ 16 лѣтъ моей учительской службы.

— «Но, скажите пожалуйста, почему же вы не женились даже и при такихъ, самыхъ уже крайнихъ для учителя лѣтахъ для супружеской жизни, если только не почтете этотъ вопросъ слишкомъ нескромнымъ съ моей стороны?»

— Да вотъ я къ этому лишь только и хотѣлъ теперь перейти.

И онъ началъ опять свой разсказъ.

— И такъ, по школѣ, съ приобретениемъ опытности, дѣла пошли прекрасно, начальство награждало меня, какъ могло, за успѣхи и усердіе, и школа моя въ концѣ концовъ очутилась въ числѣ семи самыхъ лучшихъ въ уѣздѣ, о чемъ я могъ заключить по сдѣланной г. инспекторомъ послѣ ревизіи записи въ ревизіонной книгѣ. И такъ, повторяю, труды и старанія мои, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ; такимъ образомъ съ этой стороны непріятности для меня кончились: ихъ я поборолъ своей энергіей, любовью къ дѣлу и трудомъ. Продолжались лишь непріятности извнѣ, отъ разныхъ лицъ, обращающихъ нуль вниманія на интересы школы и учителя и подчасъ ровно ничего не понимающихъ въ школьномъ дѣлѣ; это я говорю о всѣхъ тѣхъ, кто способенъ лишь тормозить успѣхи школьнаго дѣла, какъ вслѣдствіе своей косности и мрака невѣжества, такъ и вслѣдствіе своихъ личныхъ счетовъ и взглядовъ, а подчасъ и просто вслѣдствіе беззащитности учителя. Встрѣчаются между такими тормозами и люди болѣе или менѣе интеллигентные. Вы можете быть, другъ, не повѣрите, что есть такіе субъекты; но вотъ дальше изъ разсказа вы увидите примѣръ такихъ интеллигентовъ. Правда, тутъ уже названные мною раньше безпристрастные помощники мои ничего не могли сдѣлать, а такихъ же безпристрастныхъ и горячихъ защитниковъ у учителя нѣтъ.

— «Извините, я прерву васъ на минуту; вотъ вы говорите, что защитить учителя отъ разныхъ насилій и оскорбленій некому? А наше начальство, училищные совѣты?»

— Отвѣчать на данный вопросъ я не буду: вы получите нужный отвѣтъ изъ самаго разсказа.

Повторяю: дѣла но школѣ пошли, можно сказать, прекрасно, такъ по крайней мѣрѣ находило само начальство; меня перевели въ лучшую школу, на большій сравнительно окладъ жалованья, да еще и потомъ увеличили размѣръ годового оклада. Я сталъ обезпеченнѣе. Думаю, — не настало ли теперь время позаботиться о себѣ, не пришла ли пора подумать о семейной жизни, о супружествѣ; что я все одинъ? не отъ кого ласковаго слова услышать, не съ кѣмъ подѣлиться печальми и хотя изрѣдка перенадающими радостями; возьму подругу жизни, понцу утѣшенія въ семейномъ очагѣ, въ дѣтяхъ. Можетъ быть тогда еще больше окрѣпнетъ моя любовь, моя энергія къ труду учительства, ибо явится новая цѣль жизни. Обдумалъ, рѣшилъ, но. . . рѣшенію этому не суждено было осуществиться. Вышло какъ будто по пословицѣ: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Но вотъ въ томъ-то и разница, что располагалъ-то моею судьбой не Богъ, а такой же смертный, какъ и мы съ вами. Дѣло вышло такъ. Въ одинъ прекрасный (только не для меня) день, въ срединѣ учебнаго года, получаю я казенный пакетъ отъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Думаю, не награда ли какая назначается мнѣ за мои труды? Заранѣе въ мысляхъ принося благодарность совѣту, разрываю я пакетъ и. . . о, ужасъ! читаю: «Вслѣдствіе состоявшагося и т. д., по особому заявленію г. предсѣдателя совѣта вы перемѣщаетесь въ Б—ое училище; (а Б—ое училище, надо замѣтить, находилось въ условіяхъ, чуть ли не вдвое худшихъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ занимаемое мною. Перечитываю и глазамъ своимъ не вѣрю)... а потому приготовьте все школьное имущество къ сдачѣ такому-то и примите школу отъ такого-то». Все это меня не только что удивило, но даже поразило, срѣзало. Невольно явились вопросы: за что? почему? въ чемъ я провинился? Сталъ думать, передумывать, искать причину, — ничего не могу придумать. Водки я не употребляю, стало быть пьянства нельзя предполагать; съ обществомъ у меня ровно ничего не было; дѣломъ не манкировалъ; развѣ въ самомъ дѣлѣ найдены какіе недостатки по школѣ? Сталъ припоминать ревизіи инспектора и директора народныхъ училищъ — ничего нѣтъ такого. Въ послѣднюю ревизію, которая произведена была ди-

ректоромъ народныхъ училищъ всего лишь мѣсяца за полтора предъ этимъ, постановка дѣла по школь найдена хорошей, пѣніе поставлено хорошо, такъ что въ своей бесѣдѣ со мной директоръ выразился такъ: «если мы даже и это только сдѣлаемъ для народа, то кажется попадемъ въ царство небесное», и въ концѣ концовъ, спросивъ меня, хорошо ли мнѣ живется и доволенъ ли я, и получивъ утвердительный отвѣтъ, благословилъ меня продолжать свое дѣло. И такъ, за что-же, думаю, такая немилость? Вотъ еще такъ недавно получилъ благодарность отъ совѣта за усердныя и успѣшныя занятія, въ прошломъ году получилъ денежную награду (конечно не первую за все время учительства), предлагали мѣсто въ министерской школѣ, надѣясь, что могу поставить вновь открываемую школу, какъ слѣдуетъ, на первыхъ же порахъ... словомъ перебралъ все, что только могъ припомнить, но не находилъ ничего такого, что могло бы обвинить меня въ глазахъ начальства, такъ прекрасно относившагося ко мнѣ и такъ хорошо отзывавшагося обо мнѣ до сихъ поръ, и объяснить оный переводъ... Но не надоѣлъ ли уже я вамъ своимъ многословіемъ.—вы, кажется, уже и не слушаете меня?

— «Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста продолжайте, поспѣшилъ я успокоить его: я такъ немножко задумался по поводу всего рассказаннаго вами».

— Можетъ быть вы задумались о томъ, что вотъ, молъ, человѣкъ вмѣсто того, чтобы рассказывать о дѣлѣ, вздумалъ хвалиться своими успѣхами?! Нѣтъ, другъ, не думайте этого: я упомянулъ о томъ лишь для того, чтобы яснѣе обрисовать вамъ отношенія ко мнѣ училищнаго начальства. А хвалиться въ данномъ случаѣ вовсе нечѣмъ: всякій учитель, любящій свое дѣло, будетъ имѣть такіе успѣхи, а потому и самые успѣхи и поощренія за нихъ отъ начальства мнѣ представляются самой обыкновенной вещью. Повторяю, что все сказанное мною объ успѣхахъ по службѣ сказано лишь исключительно съ указанною цѣлью да еще, чтобы дать вамъ возможность отвѣтить на слѣдующій мой вопросъ: скажите,-- не покажется-ли страннымъ вамъ теперь такой переводъ?

— «Не только что страннымъ мнѣ кажется онъ, но даже въ высшей степени несправедливымъ и обиднымъ», сказалъ я, и чтобы успокоить его, добавилъ: «а что я не подумалъ такъ о васъ, какъ вы предполагаете, даю вамъ честное слово»,

Надо замѣтить, что у меня и въ самомъ дѣлѣ вовсе не было этого въ головѣ.

Онъ продолжалъ:

— Вотъ къ такому-то заключенію пришелъ и я, но пришелъ къ нему по чувству, по впечатлѣнію, испытавъ все на себѣ, а не какъ вы, лишь выслушавъ чужой рассказъ,— а это двѣ вещи разныя. Да, все это такъ сильно на меня подѣйствовало, что даже руки опустились, занятія пейдутъ въ голову, и я забылъ совсѣмъ о супружествѣ. Занимаюсь въ школѣ, а въ головѣ все тѣ-же вопросы: за что? почему? не провинился ли я въ самомъ дѣлѣ въ чемъ? Да, вотъ съ такими-то думами да убѣжденіями я и поѣхалъ переговорить съ начальствомъ. Первымъ долгомъ прихожу къ директору, думаю—онъ все можетъ сдѣлать. Такъ и такъ, молъ, находя такой переводъ безпричиннымъ, незаслуженнымъ и обиднымъ, я хочу подать прошеніе—жалобу въ губернской училищный совѣтъ. «Видите ли, говоритъ мнѣ директоръ, хотя я, зная васъ, и могъ бы настаивать на отмѣнѣ этого постановленія, но, право, какъ то неловко: лучше такъ какъ-нибудь подѣлайтесь безъ жалобы: сходите къ предсѣдателю, къ инспектору, подайте прошеніе въ тотъ же опять совѣтъ, а я съ своей стороны переговорю съ инспекторомъ». Думаю, дѣло плохо,—надежды директоромъ подано мало; но дѣлать нечего,—пошелъ мѣрять городъ изъ конца въ конецъ отъ одного къ другому, отъ другого къ третьему, исполняя совѣтъ директора. Инспектора не засталъ,—уѣхалъ по ревизіи... Г. предсѣдатель сказалъ, что обо мнѣ было донесено и меня обвиняютъ въ какомъ-то скандалѣ, а въ какомъ и кто донесъ—ничего не говоритъ. Думаю,—кто и что могъ донести? Пошелъ еще къ одному члену училищнаго совѣта, который у меня ежегодно производилъ экзамены и который относился всегда о моей школѣ и обо мнѣ съ хорошей стороны; ужъ онъ-то думаю, навѣрное, разъяснитъ мнѣ что, какъ и почему, если только знаетъ. Дѣйствительно, отъ него-то я и узналъ, что меня переводятъ потому, что я замѣшанъ въ какомъ-то скандалѣ, и что нажаловался и донесъ становой, а въ какомъ скандалѣ и какъ—онъ не знаетъ, потому что совѣтъ рѣшилъ, не читая доноса, ограничиться переводомъ меня. Такъ вотъ, думаю, гдѣ вся разгадка, вотъ откуда загорѣлся весь сырь-боръ; это для меня уже нѣчто новое: явились но-

вые члены училищныхъ совѣтовъ — становые, которыхъ никто и никогда не избиралъ членами и которые, однако, какъ оказалось въ данномъ случаѣ, могутъ рѣшать судьбу «слабаго, беззащитнаго начальнаго народнаго учителя». Горько, обидно и дико было услышать объ этомъ! Но, впрочемъ, что-жь тутъ удивительнаго? Кому не подчиненъ учитель, кому онъ не подвластенъ? Всѣмъ; всякъ, кто только захочетъ, можетъ раздавить его, какъ ничтожнаго червяка. Учитель — какъ бы какой преступникъ, — у всѣхъ онъ подъ надзоромъ: и священникъ, и становой, и помѣщикъ, и кулакъ-коммерсантъ, даже урядникъ и старшина, — всѣ, однимъ своимъ подлымъ доносомъ, одной своей подлой сплетней, могутъ повергнуть въ прахъ учителя, могутъ разбить всѣ его желанія, надежды и грезы. Учитель — значитъ нѣтъ въ тебѣ ни совѣсти, никакихъ благихъ задатковъ, никакихъ добрыхъ началъ, ты и подлъ, и развратенъ, и зловреденъ, а потому и нельзя, чтобы за тобой не слѣдить; вѣдь не даромъ священнику вмѣняется въ обязанность слѣдить за учителемъ, за его поведеніемъ; это ужь, милый другъ, законъ. Даже доброе дѣло для народа учитель лишенъ возможности сдѣлать безъ контроля.. Вотъ и работаютъ всѣ эти «законные» и «беззаконные» наблюдатели, контролеры надъ бѣдными, но честными тружениками учителями, и чуть учитель проштрафился: во время не скинуть шапки предъ священникомъ, отказался заниматься за него по Закону Божию въ школѣ, не сумѣлъ поздравить съ праздникомъ мѣстнаго какого-либо «фонъ-барона» въ родѣ станового или комерсанта-фабриканта, — ну, и готовъ. Но я, кажется, уже слишкомъ увлекся этими выводами, которые сами по себѣ будутъ очевидны изъ дальнѣйшаго разсказа.

Такъ я замѣшанъ въ скандалѣ? Въ какомъ-же? Гдѣ? Что-же я могъ такое сдѣлать, чтобы безъ суда, безъ всякаго допроса и разслѣдованія дѣла меня слѣдовало наказать? Вѣдь каторжниковъ и то судятъ, допрашиваютъ? Я былъ совершенно убитъ такимъ сообщеніемъ. Рой мыслей пронеслся у меня въ головѣ. Я думалъ, думалъ и въ концѣ концовъ пришелъ къ такому заключенію, что отъ начальнаго учителя требуется не только добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, любовь и призваніе его къ учительству и успѣхъ его въ школѣ, но нѣчто другое, что и играетъ главную роль въ судьбѣ каждаго учителя. Это «нѣчто» и есть какое-то особенное умѣнье жить и

ладить со всѣми, но въ чемъ заключается секретъ этого умѣнья «жить и ладить», я до сихъ поръ понять не могу. Вѣдь кажется я ни съ кѣмъ ссоръ не заводилъ, зла никому не дѣлалъ, да и съ становымъ пришлось познакомиться только случайно у одного знакомаго, а больше я нигдѣ съ нимъ и не встрѣчался. Что-же это за скандалъ? Вѣдь, кажется, чего я всю жизнь и боялся и избѣгалъ, какъ не этихъ скандаловъ, и не только что не былъ никогда участникомъ въ нихъ, но даже не былъ и свидѣтелемъ. «Чего-то тамъ вышло у васъ въ Ю—кѣ съ попомъ; тутъ какой-то псаломщикъ еще... право я не могу вамъ сказать ничего, потому что рѣшили не читать этого дѣла», припомнились мнѣ слова вышеупомянутаго члена училищнаго совѣта, который и далъ мнѣ толчекъ къ открытію подлежащей причины моего перемѣщенія. Ну да, правда, вышло что-то скандальное въ с. Ю—кѣ, но только вѣдь фигурировали тутъ съ одной стороны священникъ съ урядникомъ (послѣдній былъ гостемъ перваго), а съ другой стороны псаломщикъ изъ одного со мной села, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной въ гости къ учителю с. Ю—ка. Вотъ вся суть этого скандала: урядникъ отъ имени священника, а можетъ быть и вмѣстѣ съ нимъ, поколотилъ пріѣхавшаго со мной псаломщика, а потомъ самъ же священникъ (впрочемъ, говорили еще, что попадя) подалъ на насъ уже на всѣхъ прошеніе за оскорбленіе къ земскому начальнику, который и направилъ дѣло къ становому для производства дознанія, а когда священникъ, чувствуя, вѣроятно, всю несостоятельность обвиненія, сталъ просить о прекращеніи этого дѣла, то становой, какъ должно судить по словамъ члена училищнаго совѣта, направилъ въ совѣтъ, да еще, вѣроятно, съ самоличною просьбою у предсѣдателя совѣта, у котораго онъ принять (съ инспекторомъ они пріятели), о моемъ удаленіи. Охъ, эти связи и знакомства. — жутко приходится отъ нихъ бѣднымъ учителямъ!

Такимъ образомъ я не только не былъ участникомъ скандала, но даже и хорошимъ свидѣтелемъ не могъ быть; слышалъ только лишь, какъ пострадавшій псаломщикъ кричалъ — «карауль», но ничего не впалъ, и узналъ уже о всемъ случившемся отъ очевидцевъ. Я виноватъ былъ только тѣмъ, что знакомъ съ потерпѣвшимъ псаломщикомъ и пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

— «А скажите, пожалуйста, почему бы вамъ не попросить совѣтъ разобрать оффиціально это дѣло? Вѣдь если вы не виновны въ этомъ дѣлѣ, то совѣтъ, навѣрное, не обратилъ бы вниманія на глупую выходку г. становаго», замѣтилъ я.

— Да, я съ вами совершенно согласенъ. Считая такія оправданія съ моей стороны, какъ «да, нѣтъ, невповненъ» слишкомъ голословными и бездоказательными, я не только что просилъ, но и настаивалъ, на сколько возможно это было съ моей стороны, чтобы назначено было оффиціальное слѣдствіе, говоря: хорошо, если я виновенъ, то по дѣламъ вору и мука, но если я не виноватъ, то за что же мнѣ терпѣть отъ каприза перваго встрѣчнаго? Но что значать мольбы и просьбы учителя? ихъ пропустили мимо ушей! Да и могло-ли, правда, быть иначе? Вѣдь въ совѣтѣ все люди великосвѣтскіе, у которыхъ неудовлетвореніе просьбъ знакомыхъ считается уже выходящимъ изъ круга приличій. Такъ вотъ по прихотямъ другихъ, для которыхъ школьные интересы ровпо ничего не значать, пли же они ихъ совсѣмъ знать-то не хотятъ, труды учителей, ихъ любовь и призваніе къ дѣлу и лопаются какъ мыльные пузыри. Въ числѣ такихъ учителей вотъ, какъ видите, нахожусь и я. А что я сдѣлалъ становому худого, въ чемъ могъ перейти дорогу? Положительно ни въ чемъ. Одинъ разъ только моему знакомому онъ высказался, что я будто бы ни съ кѣмъ не хочу знаться (т. е. у него не бываю съ визитами и не хочу его поздравлять съ праздникомъ), но что-же тутъ такого, за что-бы слѣдовало меня сживать? Да и что общаго у меня съ нимъ? Картежничать у меня не въ принципѣ, пьянствовать не умѣю и не хочу, развратничать не гораздъ..

— «Позвольте,—мнѣ кажется, что все это онъ сдѣлалъ, защищая своего служащаго, того самаго урядника, который главнымъ образомъ и фигурировалъ въ скандалѣ?»

— Такъ-же думаю и я. Такъ вотъ видите, какъ защищаетъ своихъ учителей—тружениковъ наше начальство, наши училищные совѣты. Становой почелъ долгомъ и сумѣлъ заступиться за своего совсѣмъ виноватаго урядника, а наше начальство не считаетъ пужнымъ вступить за обиженнаго учителя.. Вотъ, да и стоитъ въ самомъ дѣлѣ расходиться съ знакомыми изъ-за какого-то учителя, когда просятъ о томъ. Вишь, велика вещь—истратить учитель 15—20 руб. на пере-

бздъ; какое намъ дѣло, что ему тамъ будетъ хуже! Потеряетъ энергію, охоту къ труду? Такъ развѣ мы не сумѣемъ вернуть ихъ (разумѣется своею властью)! А не захочетъ исполнить нашихъ требованій, такъ «съ Богомъ», мѣсто пусто не будетъ; поставимъ епархіалку или прогимназиску: охотницъ много; научать читать, писать, считать — пока и довольно; правда, какъ учитель онъ былъ очень хорошъ, по что-же дѣлать намъ, коль онъ не умѣлъ «жить и ладить» съ людьми выше себя, — не отказать же въ самомъ дѣлѣ просьбѣ знакомаго. Что жъ онъ — заявить протестъ? Такъ мы его и вовсе согнемъ въ бараній рогъ; да и законъ кажется ясно гласить, что училищный совѣтъ имѣетъ полное право перемѣщать учителей въ видахъ пользы учебнаго дѣла по своему усмотрѣнію, да и жаловаться на насъ у него не хватитъ смѣлости.

— «Ну, а какъ же, подавали вы прошеніе въ Училищный совѣтъ, какъ вамъ совѣтоваль директоръ?»

— Да, подаваль.

— «Ну и что-же?»

— Да только особымъ постановленіемъ отсрочили переводъ до конца учебнаго года, да потомъ сдѣлали письменное внушеніе въ томъ, что я не соблюдаю «надлежащаго тона» въ сношеніяхъ съ своимъ начальствомъ; а до тона ли ужъ тутъ, когда надо мной разразился громовой ударъ со стороны совѣта, когда одному приходится защищать свою шкуру, отстаивать не только свои, но и школьные интересы, свои разбитыя въ прахъ мечты и грезы, лишаясь послѣдней возможности честно и благородно трудиться и такимъ образомъ честно добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

— «Но можетъ быть вы слишкомъ въ рѣзкомъ тонѣ написали прошеніе?» замѣтилъ я.

— Правда, я писалъ подъ впечатлѣніемъ безвинно обиженнаго и честно трудившаго человѣка, но все-жъ таки я никакой рѣзкости въ этомъ прошеніи не видѣлъ тогда, не вижу и сейчасъ; я только отстаивалъ себя, на сколько это возможно было. Да вотъ я вамъ могу показать всю перениску, — я сохранилъ ее на память.

Для меня весьма интересно показалось прослѣдить весь ходъ дѣла, чтобы составить потомъ свое сужденіе о немъ. Я прочелъ сначала его прошеніе на имя училищнаго совѣта. Въ

немъ, послѣ обыкновенно принятой формы обращенія, онъ писалъ: «Въ своемъ засѣданіи отъ... ноября сего года по особому заявленію Г. Предсѣдателя Совѣта, С—й Уѣздный училищный совѣтъ постановилъ перемѣстить меня въ Б—ое училище. Такъ какъ я перемѣщенъ, во всякомъ случаѣ, съ пониженіемъ, потому что въ худшую школу и на меньшій окладъ жалованія, и положительно не знаю за собой никакой вины, на которой бы я могъ основать подобное перемѣщеніе, то я считаю себя вправѣ заявить Совѣту, что я нахожу себя положительно несправедливо обиженнымъ безъ всякаго съ моей стороны повода къ этому. Получивъ нѣсколько денежныхъ наградъ и повышеніе въ перемѣщеніи меня безъ всякаго съ моей стороны ходатайства изъ худшей въ лучшую школу, имѣя благодарность отъ того-же Училищнаго Совѣта за усердныя и успѣшныя школьныя занятія и словесную благодарность Директора народныхъ училищъ въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, и считаясь наряду съ другими лучшими учителями уѣзда, что показали бывшіе педагогическіе курсы въ 189. году, я ждалъ лишь новаго какого-либо поощренія начальства и никакъ уже не перемѣщенія меня безъ всякой причины въ худшую школу. Повинуясь волѣ начальства, я, конечно, исполню и его распоряженіе, но считаю не лишнимъ сказать нѣчто и о послѣдствіяхъ его. Я хотя и всегда честно и съ любовью относился къ дѣлу, всегда серьезно и внимательно занимался имъ, но въ нынѣшнемъ году налегаль въ особенности, такъ какъ долженъ былъ зарекомендовать себя предъ повымъ своимъ ближайшимъ начальствомъ—Инспекторомъ народныхъ училищъ, и вдругъ такая награда! Можно ли послѣ этого честно и благородно трудиться? Не отниметъ ли такое перемѣщеніе у меня энергіи, любви и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу? Миѣ кажется, такое перемѣщеніе невольно дѣласть изъ хорошихъ учителей плохихъ или же совсѣмъ ихъ изгоняеть. Въ прошломъ 189. году я получилъ предложеніе Г. Директора народныхъ училищъ перейти въ одно изъ Министерскихъ училищъ, но я, не прельстившись никакими преимуществами сего училища, остался вѣрно служить тому земству, которое меня воспитало еще въ семинаріи (я былъ земскій стпендіатъ), которое до сего времени награждало меня такъ или иначе, и надѣялся, что оно и впредь не оставитъ меня своими милостями;

но, какъ оказывается теперь, жестоко ошибся и поступилъ опрометчиво, отказавшись отъ милостиваго предложенія Г. Директора.. Случись это въ первые годы моей молодости, я бы, конечно, не испыталъ столько волненій отъ такого перемѣщенія безъ всякой причины, но теперь дѣло другого рода: я потратилъ безвозвратно и безъ всякой пользы для себя почти 16 лѣтъ своей свѣжей молодости, потерялъ половину, если не больше, своего здоровья; 16 лѣтъ находился въ ложномъ положеніи, мечтая о будущемъ, затянулся этимъ дѣломъ и теперь думалъ, обзаведясь хозяйствомъ, закрѣпить себя на одномъ мѣстѣ, но вдругъ такое безпричинное перемѣщеніе, которое можетъ быть на всегда разобьетъ мои мечтанія, энергію и призваніе. Повторяю, не зная за собой никакой такой причины, которой мотивировалось бы мое перемѣщеніе, я просилъ бы Совѣтъ, войдя въ мое положеніе, указать мнѣ эту причину и такимъ образомъ обвинить меня въ моихъ глазахъ, иначе горько, грустно и обидно отзовется такое безпричинное перемѣщеніе въ моей душѣ. Правда, частнымъ образомъ я слышалъ, что я перемѣщенъ по причинѣ какого-то скандала, о которомъ было сообщено Совѣту г. Приставомъ 2 стана С—аго уѣзда и въ которомъ я будто-бы былъ участникомъ; если это правда и донесеніе было оффиціальное, то я прошу Уѣздный Училищный Совѣтъ дать дѣлу ходъ и мнѣ возможность такимъ образомъ оправдать свою честь, а если это сообщеніе было неоффиціальное, то я покорнѣйше просилъ бы Училищный Совѣтъ, не придавая значенія такимъ доносамъ, потому что они могутъ быть ложны и сдѣланы по личнымъ счетамъ, что и было раньше здѣсь съ моими предшественниками, оставить меня для общей пользы въ томъ же Т—омъ училищѣ если уже не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ до будущаго учебнаго года или вообще до лѣта».

— Ну что вы находите тутъ написаннаго не по тону? спросилъ онъ.

— «Да ровно ничего не нахожу такого; такъ же, какъ поступили вы, навѣрное. сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ и я, и всякій учитель».

— Ну такъ вотъ, на такое-то прошеніе мнѣ хотя и отсрочили перемѣщеніе до конца учебнаго года (перемѣстили потомъ все-жъ таки не съ 1-го сентября, начала учебнаго года, а съ 1-го іюля, опять таки сдѣлали не въ моихъ ин-

тересахъ), но за то потомъ прислали внушеніе. Вотъ эти два отношенія, полученные одно за другимъ. Первое, отъ... декабря:

«С—й уѣздный училищный Совѣтъ, въ засѣданіи своемъ... числа текущаго Декабря мѣсяца сего года постановилъ: въ видахъ пользы для учебнаго дѣла перемѣщеніе Ваше отложить до конца учебнаго 1897. года; о чемъ сообщается Вамъ въ дополненіе къ отношенію Совѣта отъ... сего Декабря за №...

Инспекторъ народныхъ училищъ (подпись).

Затѣмъ другое отъ... Января (новаго) года.

«С—й уѣздный Училищный Совѣтъ, заслушавъ Ваше прошеніе объ оставленіи Васъ на прежнемъ учительскомъ мѣстѣ и оставаясь при своемъ рѣшеніи отъ... ноября 1897. года, постановилъ сдѣлать Вамъ внушеніе по поводу того, что Вы не наблюдаете должнаго тона въ сношеніяхъ съ учрежденіемъ, которому Вы подчинены въ служебномъ отношеніи, и вступаете съ нимъ даже въ пререканія, указывая на ваши заслуги и на незаконность постановленія Совѣта, имѣющаго право дѣйствовать по отношенію перемѣщенія учителей, руководясь соображеніями «пользы для дѣла».

За Предсѣдателя Совѣта

Инспекторъ народныхъ училищъ (подпись).

— «Но почему же вы на новомъ-то мѣстѣ не продолжали службы своей на этомъ благомъ поприщѣ, если уже вы, какъ я могъ заключить изъ вашихъ словъ, полюбили дѣло учительства? Правда, васъ обидѣли, поставили васъ въ худшія условія съ матеріальной стороны, но вѣдь объ этомъ вы, навѣрное, знали напередъ, когда еще поступали на эту службу? Вѣдь навѣстно всѣмъ и каждому, что учителю плохо живется въ настоящемъ и что у него ровню нѣтъ ничего отраднѣе и въ будущемъ».

— Да, правда, я зналъ все это, но зато и надѣялся, что разъ я буду добросовѣстно, съ любовью и успѣхомъ вести дѣло, то меня никто и не тронетъ, никто не обидитъ,— ибо—чего большаго и требовать отъ учителя? думалось мнѣ; а если и пришлось бы встрѣтить что-либо непріятное, то я готовъ былъ перенести все мужественно. Такъ я и дѣлалъ, пока былъ крѣпокъ и здоровъ нервами, и даже попыталъ было успокоить себя и въ данномъ случаѣ, думая: не все

-ли равно трудиться, приносить пользу и жить для другихъ, гдѣ бы то ни было. Но такъ говорилъ временно лишь пробудившійся мой разумокъ, да не такъ чувствовалось и не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Говорять, трудно совладать съ чувствами всякому человѣку, а что могъ подѣлать съ ними я, нервно-испорченный человѣкъ ..

Какъ ни будь честенъ и сдержанъ, какъ ни избѣгай нажить враговъ, а все-жъ таки они у тебя найдутся; они и воспользуются удобнымъ случаемъ позлорадствовать надъ твоею судьбою. Приходилось, напр., въ разговорахъ отстаивать интересы школы вообще и земской въ частности, а также нѣкоторыя принятыя въ школѣ учебныя руководства, въ родѣ гр. Л. Н. Толстого, высказывать свои сужденія, отстаивать интересы земскихъ учителей и возражать противъ нападокъ на нихъ; вѣдь есть такіе субъекты, которые видятъ хорошее только въ себѣ, черня и марая другихъ по пословицѣ— «у нашей Натальи всѣ люди каналы», по я не думалъ и не допускалъ, чтобы они могли повредить мнѣ при моихъ успѣхахъ по школѣ и тѣхъ отношеніяхъ ко мнѣ начальства, какія были въ то время; хотя я зналъ, что и на предмѣстниковъ моихъ были такіе пасквильные доносы, и нѣкоторые предупреждали меня объ этомъ, но я надѣялся на себя и на свое начальство, думая: разъ я хорошъ какъ учитель, то хороши ко мнѣ будутъ и отношенія начальства. Но рассуждая такъ, я упустилъ изъ виду то, что, вѣдь, не вѣчно будетъ одинъ и тотъ же инспекторъ, который умѣлъ всегда отстоять честныхъ тружениковъ отъ всякихъ подлыхъ доносовъ. Такъ оно и вышло: ушелъ прежній инспекторъ, поступилъ новый, и надежды учителя на защиту рушились; на всякую просьбу учителя у инспектора получался лишь одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Я человѣкъ новый, ничего не знаю и поэтому ничего не могу слѣлать, доложу въ Совѣтъ то, что я нашелъ въ вашей школѣ (мою школу онъ также нашелъ чуть ли не лучшею въ уѣздѣ), а больше ничего не могу сдѣлать». Вотъ и пошлѣ рѣшать въ совѣтъ судьбу учителя тѣ, которые ни разу и не бывали ни въ какой школѣ и въ глаза не видали того учителя, судьбу котораго рѣшали заочно, лишь на основаніи полученныхъ слетень. Такимъ образомъ получалось объ одномъ и томъ же учителѣ два противорѣчащихъ представленія: съ одной стороны отъ инспектора, что успѣхи этого

учителя очень хороши, но и больше ничего въ зашитую, а съ другой-отъ разныхъ постороннихъ лицъ, знакомыхъ то съ предсѣдателемъ, то съ членами совѣта, въ родѣ нашего станового, что учитель замѣшанъ въ какомъ-то несуществующемъ скандалѣ, а потому нельзя-ли удалить его; или просто поступаетъ просьба отъ какихъ либо мѣстныхъ «фонъ-бароновъ» удалить отъ нихъ учителя, который пересталъ нравиться имъ, - ну и понятно, - будь ты хоть золотой учитель (если можно такъ выразиться), второе пересилитъ первое. Да вѣдь и правда, служба предсѣдателя, членовъ совѣта и даже инспектора не вѣчная, а вѣдь хорошія отношенія съ знакомыми желательны на всю жизнь; да потомъ, ну что-жъ такое, что этотъ переводъ не въ интересахъ учителя и для него обиденъ? стоитъ о томъ разсуждать! Хочеть, такъ пусть учительствуетъ и при худшихъ условіяхъ, а не хочеть, какъ хочеть; «съ Богомъ», какъ сказалъ мнѣ инспекторъ на мое завленіе объ уходѣ въ другую губернію.

Что жъ мы можемъ заключить теперь? Да то, что нашъ совѣтъ (дай Богъ, чтобы онъ былъ единственнымъ у насъ въ Россіи) ни сколько не озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы имѣть хорошихъ учителей, или удержать тѣхъ, которые уже имѣются. То правда, что мѣсто пусто не будетъ; вѣдь можно, пожалуй, назначить и унтера, но что-же въ этомъ толку? Допустимъ, что можетъ быть хорошимъ учителемъ и новичекъ; но для этого нужно время, практика, - сразу нельзя сдѣлаться хорошимъ учителемъ. Но вѣдь и новичекъ будетъ сидѣть на томъ же конѣ: донесъ, сосплетничалъ кто-либо, и готовъ. Поэтому нечего пустофразировать о подъемѣ школъ, нечего пенять на школы и ихъ учителей, что они не таковы, каковы должны бы быть, не измѣнивъ положенія ихъ, - «нечего на зеркало пенять»...

Такъ вотъ такъ-то, другъ мой, трудишься — трудишься, лелѣешь — лелѣешь свои-то надежды на нѣчто лучшее въ будущемъ, анъ выходитъ совсѣмъ не то. Думаешь встрѣтить сочувствіе изъ внѣ, услышать ласковое слово отъ постороннихъ, хватъ и тутъ насмѣшка да хихиканья:

— Т—го учителя-то, говорятъ, переводятъ съ 28-ми-то на 12 руб.? говорить одинъ.

— Да, я слышалъ тоже самое, вторитъ другой.

— Да, говорятъ, онъ, какъ учитель-то, очень плохой, поддакиваетъ третій.

— А я слышала, что онъ еще замѣшанъ въ скандалѣ съ попомъ, такъ что его по закону-то совсѣмъ слѣдовало выгнать изъ учителей, да только ужъ пожалѣли, замаяли это дѣло, заявляеть «достославный батюшка»

— А я слышала, что у него вышелъ цѣлый романъ съ мѣсною дьячихой, такъ что объ этомъ узналъ Преосвященный и училищный Совѣтъ, добавляеть другой батюшка.

— Ну, такъ такая ему и дорога, заканчивается третій.

Долженъ сознаться, что вторая «сплетня» о дьячихѣ дѣйствительно дошла и до архіерея, и до Совѣта, о чемъ я узналъ по письму г. Инспектора, въ которомъ онъ предписывалъ мнѣ прекратить знакомство съ означеннымъ дьячкомъ и когда я второй разъ явился лично для оправданія себя и просилъ заслуженной милости, то мнѣ, вѣроятно, для усиленія прежняго обвиненія, преподнесли и вторую сплетню. Ну, думаю, одно къ одному, пропадай моя голова! приходится мириться съ своимъ положеніемъ, да и куда, въ самомъ дѣлѣ, больше идти?..

Какъ могла дойти такая сплетня до Преосвященнаго и до училищнаго совѣта, я не знаю, но хорошо знаю, что начало ея вышло отъ сосѣдняго попа, которому я не угодилъ, отказавшись заниматься отдѣльно съ его дѣтьми. Думалъ, думалъ и рѣшилъ идти въ Б-ое училище, пока не взвели еще какой сплетни...

Началъ запятія, но занятія мои нейдуть впередъ, успѣха нѣтъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ: какой можетъ быть успѣхъ, когда изъ головы не выходило то, что пришлось переслужать и перенести. Съ одной стороны я никакъ не могъ понять того, что я, по словамъ начальства, вонистину хорошій учитель, но долженъ покориться постановленію Совѣта; съ другой стороны, я, какъ учитель, долженъ былъ дорожить мнѣніемъ народа, зарекомендовать себя, какъ хорошаго и полезнаго учителя, чего и достигъ на самомъ дѣлѣ; какъ вдругъ, съ переводомъ, долженъ былъ лишиться и этой единственной награды—достойнаго мнѣнія народа: по злымъ толкамъ всѣ уже должны были видѣть въ моемъ переводѣ наказаніе за то, что я плохой учитель и въ чемъ-то замѣшанъ; вѣдь народъ не видитъ, что я терплю напраслину по капризу лишь злыхъ людей, а вѣрить тому, что слышитъ; да и въ новомъ моемъ мѣстѣ

служенія должны были встрѣтить всё, какъ ссыльнаго за какіе-то проступки, или за малоуспѣшность, и слѣдовательно потерявшаго всякій авторитетъ и въ школѣ. Если этого не было на самомъ дѣлѣ, или было, но не въ такой формѣ, какъ казалось мнѣ, то все-жь таки я думалъ такъ, какъ думалъ-бы на моемъ мѣстѣ и всякій, честно трудящійся, человѣкъ. Хотя разсудокъ мнѣ и говорилъ: плюнь на все и работай по прежнему, но впечатлѣнія и чувства, на которыя меня наталкивалъ подъ часъ самъ же разсудокъ, тормозили дѣло. Да и что могъ подѣлать разсудокъ съ нервно-больнымъ человѣкомъ, перенесшимъ массу неудачъ и невзгодъ съ самаго начала учительства? Сколько я ни отгонялъ отъ себя разныя черныя мысли, тормозящія дѣло, сколько ни старался опять вести съ успѣхомъ дѣло, дѣло не шло, не спорилось, и мрачныя мысли моего уже нервно-мыслящаго разсудка—что я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ плохой и бесполезный учитель, что, можетъ быть, я лишь занимаю мѣсто другого, который бы приносилъ на моемъ мѣстѣ дѣйствительную пользу, и что начальство училищное, говоря, что я хорошій учитель, лишь не хочетъ сразу, такъ сказать, ошеломить меня, и что, можетъ быть, я, какъ нервно-больной человѣкъ, уже и не могу быть полезенъ въ этой общественной весьма серьезной службѣ и проч. и проч.,—не давали мнѣ покою; словомъ, какъ ни какъ, но дѣла мои по школѣ ухудшались все болѣе и болѣе; мнѣ казалось даже, что, чѣмъ я больше стараюсь, тѣмъ менѣе успѣваю. Да и въ самомъ дѣлѣ,—могъ ли быть успѣхъ, когда вниманіе мое во время занятій двоилось, и я не былъ увѣренъ въ себѣ: что было и сносно, мнѣ все казалось плохо и не такъ. Къ концу года дѣйствительно вышло плохо: ученики были подготовлены слабо, отвѣчали сбивчиво и неуверенно, видимо чего-то боялись и не смѣли, однямъ словомъ, отвѣчали не такъ, какъ отвѣчали мои же ученики прежде; бывало ученики выглядывали весело, отвѣчали бойко и смѣло, просто, по выраженію инспектора, «оборвутъ» своими отвѣтами. Конечно, неуспѣхъ этотъ приписали моей лѣни и моимъ капризамъ и предложили или серьезнѣе заняться дѣломъ, или подать прошеніе объ увольненіи, а такіе-де учителя намъ не желательны. Дѣйствительно, я и самъ сознавалъ свой неуспѣхъ и налегалъ свои послѣднія силы, думая переломить себя, но все безуспѣшно.

Накопецъ, рѣшивъ, что здѣсь, гдѣ я былъ такъ униженъ и обиженъ, я уже не могу подняться на прежнюю высоту (такъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ), подалъ прошеніе о моемъ увольненіи. Вотъ теперь и иду искать счастья, какъ можно дальше отъ тѣхъ мѣстъ, которыя лишили меня всякихъ надеждъ на лучшее въ будущемъ, которыя лишили меня «жизни». Кто знаетъ, попаду-ли я опять на прежнюю колею или нѣтъ, сдѣлавшись учителемъ, вдали отъ моихъ обидчиковъ, или уже я совсѣмъ потерялъ любовь, призваніе, энергію и самую способность быть учителемъ, и буду скитальчески доживать свои послѣдніе годы... Словомъ, что бы ни было, но уже моя пѣсенка спѣта: все, что я думалъ сдѣлать, какъ думалъ устроиться, вообще всѣ мои мечты и грезы, всѣ мои планы, — все, все-лопнуло, какъ мыльный пузырь, и я часто теперь повторяю одну пословицу, измѣнивши ее примѣнительно къ себѣ: я предполагалъ, а становой и подобные ему гады-сплетники располагали. Благодарю Бога за то, что онъ удержалъ меня отъ женитьбы и такимъ образомъ спасъ ни въ чемъ неповинное существо отъ тѣхъ страданій, которыя я самъ-то, можетъ быть, дѣйствительно и заслужилъ. Вотъ я и странствую теперь; куда ни ткнусь, вездѣ одинъ отвѣтъ: «нѣтъ вакансій»; въ самомъ ли дѣлѣ нѣтъ, или уже такъ боятся принять меня-не разберу что-то... Все разспрашиваютъ сначала: чей, да откуда, почему ушелъ изъ учителей? а потомъ, какъ молоткомъ треснуть — «нѣтъ свободныхъ вакансій». Вотъ еще послѣдній разъ думаю попытаться въ (онъ называлъ одну изъ сосѣднихъ) губерній; не удастся-пусть Богъ рѣшить что мнѣ дѣлать. Вотъ и все, что я могъ Вамъ рассказать.

— «Но скажите, пожалуйста, неужели васъ такъ никто и не пожалѣлъ, никто не сказалъ ласковаго слова, никто не успокоилъ васъ изъ членовъ Совѣта, когда вы подали прошеніе объ увольненіи?» спросилъ я.

— Да кто могъ пожалѣть? Тѣ, которые рѣшили мою судьбу, совсѣмъ не знали ни меня, ни прежней моей школы, слѣдовательно могли-ли они пожалѣть? Инспектора, который всегда умѣлъ защитить честнаго учителя, не стало, а тотъ членъ училищнаго совѣта, который одинъ изъ всего состава Совѣта зналъ меня за хорошаго учителя, оказался безсиленъ, не имѣя поддержки; новый же инспекторъ или не хотѣлъ, или не могъ-не знаю, право. Впрочемъ, я уже сказалъ, что они съ становымъ пріатели.

— «Да, очень не завидный выпалъ жребій на вашу долю; но неужели это такъ будетъ все и потомъ? неужели честные труженики-учителя не дождутся никогда лучшаго? Неужели ихъ положеніе не измѣнится, и они останутся такими же беззащитными и необезпеченными навсегда, каковыми раскрыли вы мнѣ ихъ въ своемъ разсказѣ?» замѣтилъ я.

— Ничего не знаю! отвѣтилъ онъ лишь мнѣ, и двѣ слезинки одна за другой покатались по его изстрадавшемуся лицу.

Желая успокоить его, я сказала: «что же подѣлаешь, — такова, вѣрно, доля учителя! Какъ по Евангельскому ученію, такъ и по истинному назначенію человѣка, а тѣмъ болѣе учителя, мы должны жить менѣе для себя и болѣе для другихъ; терпѣть и переносить все безъ ропота и на все смотрѣть лишь свѣтлыми глазами».

Но онъ лишь вздохнулъ на мои слова, не сказавъ ни слова

Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Прощаясь со школою, съ товарищами своими — учителями и учительницами, я составилъ одно стихотвореніе, которое нѣсколько характеризуетъ мѣсто моего служенія; оно хоть и не мудро, но въ немъ я излилъ всѣ свои чувства того времени; его я и читаю на память самъ себѣ, путешествуя по бѣлу свѣту.

И онъ прочелъ мнѣ дрожащимъ голосомъ, но съ глубокимъ чувствомъ слѣдующіе стихи:

Свершился приговоръ .. Совѣтъ неумолимъ:

Не слушаетъ правдивыхъ въ защиту словъ моихъ

«Ты, слабое созданье! Тебѣ мы говоримъ:

Не надо оправданій, не надо никакихъ...

Молчи, червякъ безсильный, молчи и ни гу-гу!

Иди и отправляйся живѣе въ Б....гу...

Молчи и повидайся, коль мы того хотимъ;

Коль хочешь, тамъ работай, а лучше не дадимъ;

И насъ оставь въ покоѣ; оставь, пока самъ цѣль»!...

Ягненокъ тѣмъ былъ виненъ, что волкъ давно не ѣлъ;

Но въ чемъ моя вина? Я думаю порой:

За что такъ зло играютъ они моею судьбой?

За то-ль, что я работалъ, трудился, не лѣнился

И къ дѣлу своему съ любовью относился?...

Нашлись злые люди, напали на меня,
И съ ними оказался въ борьбѣ безсиленъ я...
И такъ, я оставляю противный градъ Т..ай,
И скоро уѣзжаю въ невѣдомый мнѣ край.
Не дорога разлука. Т..ая мнѣ не жаль,
И съ радостью я ѣду въ невѣдную даль.
Чего жалѣть мнѣ здѣсь? Чего я здѣсь теряю?
Каковъ ты есть, Т..ай, тебя я очень знаю:
То правда, ты великъ и съ виду такъ хорошъ;
Богатъ ты знатнымъ людомъ, да толку-то въ томъ что-жь?
Секунду ты хорошъ, а мѣсяцы-весь въ тинѣ...
Въ тебѣ-жь самомъ живеть скотина на скотинѣ.
Въ тебѣ кто-бы ни жилъ, ужь будетъ всякъ замѣтенъ:
Какъ честенъ бы ни былъ-не минеть подлыхъ сплетенъ
Смѣются злые люди надъ участью моею?
Пускай смѣются «гады» подъ именемъ людей!
Пускай ихъ торжествуютъ,-что нужды въ этомъ мнѣ?
Быть можетъ въ новомъ краѣ отраднѣй будетъ мнѣ;
Быть можетъ въ новомъ краѣ найду такихъ друзей,
Что зло такъ не смѣются надъ участью людей;
Быть можетъ тамъ я встрѣчу и ласку, и привѣтъ;
Быть можетъ тамъ увижу не мракъ людей, а свѣтъ;
Быть можетъ найду счастье, ужь что пибудь изъ двухъ,
И люди своей ласкою поднимутъ падшій духъ.
Найду если противное,-такихъ же злыхъ людей,
То буду знать, что этотъ вѣкъ сталъ прошлаго подлѣй...
Смирюся съ злою участью, не буду и роптать,
Пойму, что рокъ учителя-терпѣть и вѣкъ страдать!...
Скажу: Терпи все, труженикъ! Работай только знай!
Неси свой крестъ и въ будущемъ о лучшемъ не мечтай!
«Учитель»-Такъ ужь думаешь и Богъ знаетъ ты кто?!
Червякъ ты слабый, мизерный,-а больше ты никто!
Захочетъ-пройдетъ мимо всякъ, и можетъ раздавить
И такъ, и сякъ, и этакъ онъ-судьбу твою рѣшить:
Такой ужь рокъ учителя начальныхъ нашихъ школъ
Что всякій ему пакостить, кто пусть лишь дикѣи золь...
Прощайте же, сосѣдушки-всѣ школьные друзья!
Прощайте всѣ товарищи! Припомните меня,
Когда лишь всѣ сойдется вы въ чемъ-либо горевать!...
А я ужь буду издали душой съ вами страдать!...

Я пожелалъ списать ихъ, и опъ съ удовольствіемъ исполнилъ мою просьбу. Потомъ мы съ нимъ разстались. Онъ обѣщаль написать мнѣ, если будетъ живъ, о томъ, какъ и гдѣ онъ устроится; но вотъ ужъ шестой годъ, а о немъ ни слуху ни духу. Жутко показалось мнѣ послѣ его разсказа и страшно за мое будущее, но я все-жъ таки рѣшился испытать свое счастье; и долженъ признаться, что многое изъ его разсказа мнѣ пришлось уже испытать. Можетъ быть, придется и еще больше испытать, но ничего говорить о своей жизни я не буду: моя исторія еще впереди.

Слѣдуетъ ли еще что добавлять мнѣ къ этому разсказу? Кажется, все такъ ясно. Предложимъ лишь рядъ вопросовъ вамъ, безпристрастнымъ читателямъ: Такова ли должна быть участь бѣдныхъ тружениковъ? Что остается дѣлать имъ? Чего можно ожидать послѣ этого отъ подобнаго обиженнаго учителя? Какихъ занятій? Можетъ ли быть такъ же честенъ и добросовѣстенъ его трудъ? Останутся ли у него любовь, усердіе и призваніе къ дѣлу? А безъ любви, усердія и призванія къ дѣлу что такое будетъ учитель?

Можетъ быть весь этотъ разсказъ покажется вамъ, уважаемые читательницы и читатели, лишь просто нытьемъ, а потому и не заслуживающимъ сожалѣнія? Но помните, что это— «нытье» нравственно изстрадавшагося нервно-больного человѣка, у котораго, можетъ быть, еще сохранилась кипа такихъ мрачныхъ, но неразвернутыхъ страницъ изъ учительской жизни; вы же разсудите здраво, здравымъ разсудкомъ, при здоровыхъ нервахъ, но все-же такъ, какъ подскажетъ вамъ ваше сердце, а для этого поставьте себя на его мѣсто!...

Пожелаемъ же, братья, хоть малыхъ, но всестороннихъ улучшеній въ положеніи учителя; не въ этомъ ли заключается корень того, чтобы школы давали намъ то, чего мы желаемъ отъ нихъ; чтобы онѣ скорѣе и успѣшнѣе шли къ намѣченной цѣли, дай Богъ! А то, чего же требовать отъ обиженнаго, забитаго, уничиженнаго, стертаго, необезпеченнаго, отвергнутаго начальнаго народнаго учителя!...

Ст. Л-овъ.

Пахомъ Подзатыльница

— и —

его благодѣтели.

(изъ досюговъ сельскаго учителя).

Муза, пой про красу идеальную,
Пощади наболѣвшую грудь!
Ты нахмурилась? пѣсню печальную
Ты опять начинаешь тянуть?
Продолжай. Я не вѣдаю знахаря,
Чтобъ настроилъ тебя веселѣй...
Пой про долю суровую пахаря,
Про раздолье родимыхъ полей.
Ихъ крестьяне съ надеждою вѣчною,
Что Всевышній пошлетъ благодать,
Пашутъ въ пору съ молитвой сердечною:
„Помоги намъ, Пречистая Мать“!
Кровнымъ потомъ поля поливаются...
Отчего-жь—потрудишься разгадать—
Такъ бѣдно мужики одѣваются,
И приходится имъ голодать?
Дай отвѣтъ на вопросы мудреные:
Всѣхъ ли больше они ужь грѣшаютъ,
Что лошадки у нихъ заморенныя,
Что ихъ дѣти бурлачить спѣшаютъ?
Мы встрѣчаемся съ бѣдной картиною:
По дорогѣ кляченка бредетъ...

Хомутишко обтянуть холстиною,
И телѣга, какъ скрипка, поеть.
Думу я прочиталъ безотрадную
На угрюмомъ лицѣ мужика:
За сто верстъ онъ ползеть въ пору страдную
За кулемъ—хлѣба нѣтъ ни куска.
Ахъ, не дешево вамъ, люди бѣдные,
Достается насущный кусокъ;
Соберете вы грошики мѣдные
И копѣйки, что выжали сокъ;
Въ путь отправивши дѣтокъ артелями,
Поропавши въ душѣ на нужду,
Грустно тратите время недѣлями
На злосчастную вашу ѣзду.

* * *

Чу! скорѣй, Пахомъ, съ дороги!
Мчится встрѣчу экипажъ.
Скинь шляпенку—бары строги—
Благодѣтель ѣдетъ нашъ...
Чуждый скорби деревенской,
Чуждый всѣхъ крестьянскихъ бѣдъ,
Мчится членъ управы земской
Къ прокурору на обѣдъ.
Недоступный и надменный,
Раскричится онъ подь-часъ:
„Я вашъ дѣятель безсмѣнный,
„Земство—я одинъ у васъ“.
Говорить въ собраньяхъ гладко
За кормильца-мужика,
А дойдетъ до дѣла—гадко:
Съѣсть готовъ онъ бѣдняка.
Что ему больницы, школы?
Поживаетъ баринъ всласть...
Онъ скувилъ холмы и доли,
Онъ и сила, онъ и власть.

* * *

Скрылась тройка за рощей сосновою,
Замираетъ звонокъ вдалькѣ,
А крестьянинъ-то съ думою новою

Все безъ шляпы стоять на пескѣ.
Почесавши подъ пазухой правую
И глубоко вздохнувши, сказалъ:
„Деньги есть у меня за управою—
„Но опять, вижу, Богъ наказалъ.
„Грѣхъ великій роптать на Создателя,
„Да на сердцѣ большая тоска:
„Если въ городѣ нѣтъ предсѣдателя,
„Оставайся семья безъ куска“...

* * *

Мы въ управѣ. Персоною тучною
Предсѣдатель здѣсь въ кресло засѣлъ;
Поглотилъ онъ всю мудрость научную
И за земскимъ столомъ посѣдѣлъ.
Но не даромъ же думы тревожныя
У него не спадаютъ съ лица:
Надломили причины ничтожныя
Непреклонную твердость дѣльца.
Капиталы запасныя „ухнули“,
Опорожнены всѣ сундуки...
И на шею крестьянскую бухнули
Неоплатныя земска долги.
Глядь, глаза загорѣлись отвагою,
Осѣнила его благодать;
Онъ, склоняся надъ бѣлой бумагою,
Начинаетъ проектъ созидать.
Такъ сужденье его озаглавлено:
„Гдѣ бы денегъ достать поскорѣй“?
Въ заключеннѣи же смѣло поставлено:
„Сборъ съ окошекъ, печей и дверей“.—
Пронеслось вдохновенье священное...
Задремалъ онъ, поникъ головой...
И приснилось собранье почтенное—
Въ немъ читаетъ проектъ роковой.
Начинаются пренья ужасныя,
Надвигается быстро гроза,
Межь собой перессорились гласныя,
А одинъ такъ и рѣзнулъ въ глаза:
— „Если только налогомъ обложите

Печи, окна и двери крестьянъ,
Несомнѣнно тогда вы умножите
Скорбь народную, земскій изъянъ:
Станутъ окна они заколачивать,
И въ жилищахъ не будетъ печей,
Чтобъ пришлось поменьше уплачивать
Въ кассу земскую имъ податей...
Темъ ночная и сырость подвальная
Заберутся къ несчастнымъ на дворъ,
А злодѣйка болѣзнь-то повальная
Тамъ найдетъ безграничный просторъ".—
— Васъ пугаютъ болѣзни заразные?
А на что же у насъ и врачи?
Прсятъ практики руки ихъ праздня,
И желудкамъ ихъ нужны харчи!
Два студента давно на смиреніе
За возстаніе сосланы къ намъ...
Кто окажетъ несчастнымъ призрѣніе?
Кто пристроить ихъ къ сытымъ мѣстамъ?
— „Вы добры, но копейкой народною,
Тѣмъ не нужныхъ нашли должностей,
Замѣстили ватагю сбродною,
Пріютили незваныхъ гостей.
Между тѣмъ наша школа начальная
Остается безъ дровъ и свѣчей"...
— Чтобъ исчезла картина печальная,
Сборъ устроимъ съ окошекъ, печей.—
Гласный плюнулъ въ широкую бороду,
Въ истушленьи вскричавши: „подлецъ"!
И скандалъ покотился по городу...
Тутъ проснулся усердный дѣлецъ.
А Пахомъ съ бородою всклокоченной
Подошелъ и отвѣсилъ поклонъ
Поясной головой озабоченной.
— Понимаю, что нуженъ талонъ...
Только денегъ—ни грошика мѣднаго...
— „Въ третій разъ прихожу я сюда...
Хлѣба нѣтъ—пожалуйте же бѣднаго...
Съ ребятишками—просто бѣда"...
И разжалобилъ онъ предѣдателя,

За работу на куль получилъ,
И, сердечно прославивъ Создателя,
Грудь сухую крестомъ осѣнилъ.

* * *

Мы въ деревнѣ. „Опять искушеніе“,
Прошепталъ горемычный Пахомъ.
Онъ сейчасъ получилъ приглашеніе:
„Съ недоимкой къ десятскому въ домъ“.
Тамъ на сходкѣ въ одеждѣ купеческой,
И съ гармоньей въ пятнадцать рублей,
Всѣхъ фигурой своей молодеческой
Поражаетъ сосѣдъ Пантелей.
Хоть семья бы была многолюдная—
Со старухой живетъ-то вдвоемъ,
А случилась оказія чудная:
Недоимки полсотни на немъ.
Череда до него добирается,
Приглашаетъ къ столу старшина...
„Подожди“, угодить онъ старается,
Предлагая бутылку вина.
— Подождемъ. Здѣсь Пахомъ-Подзатыльница?
Семь съ полтиной стоитъ за тобой...
— „Обождите: больная родильница,
Не крещенъ и малютка восьмой“...
— Деньги? нѣтъ? что же есть изъ имѣнія?
— „Три овчины, шубенка, тулупъ“...
— „Подавай! не хватаетъ терпѣнія—
Счетъ коротокъ съ тобой-то: ты глупъ“.
Посудивши съ больною Матренкою,
Отдалъ шубу, овчины Пахомъ—
Жаль разстаться съ послѣдней буренкою,—
И отправился онъ за попомъ.
А послѣдній за требу обычную
Взялъ съ Пахома лукошко муки.

* * *

Такъ-то бьются съ судьбой горемычною
Въ свято-русской землѣ мужички.

П. Вересовъ.

КУДА ИДТИ?

(Очеркъ изъ жизни сельской учительницы).

I.

Юнь мѣсяць Солнце печетъ немовѣрно, но въ актовомъ залѣ епархіальнаго училища прохладно и тихо—тамъ идутъ выпускные экзамены. Воспитанницамъ они давнымъ-давно уже надѣли и онѣ рвались на просторъ и свободу, туда, гдѣ солнце сіяло, голубое небо было чисто, безъ тучъ.

Въ училищномъ саду распространялось благоуханіе цвѣтущихъ жасминовъ. Нѣсколько подругъ, радостно настроенныя предстоящимъ окончаніемъ экзаменовъ, ходили по саду. Было тихо и голоса ихъ терялись въ пространствѣ. Вѣра Александровна, такъ звали одну изъ ходившихъ по саду подругъ, что-то громко оспаривала. Настроеніе ея было нервное, возбужденное, что конечно, можно было объяснить исключительно только предстоящей разлукой съ своими подругами, съ которыми она такъ сошлась въ теченіи 6-ти лѣтъ и съ которыми она такъ часто мечтала о будущемъ...

Но вотъ окончился актъ, простились съ учителями, подругами и всѣ разошлись по разнымъ сторонамъ. Вѣра Александровна вмѣстѣ съ своей сестрой отправилась на пароходъ, гдѣ застала уже многихъ своихъ подругъ. Учитель Лепехинъ прицель проводитъ бывшихъ воспитанницъ и былъ теперь душею всего собравшагося общества. Мало веселилась Вѣра Александровна—она ходила все больше задумчивая, потому что теперь ей предстояло разрѣшить важ-

ный и жгучий вопрос: „что я буду теперь дѣлать? Куда идти“? Это былъ еще первый затруднительный вопросъ въ жизни молодой и неопытной дѣвушки, но уже замѣтно, что она безъ боязни смотрѣла на будущее. Ей хотѣлось идти къ народу, учить его, служить, отдать всѣ свои молодые силы и знаніе, но она вполнѣ сознавала всю свою неопытность и полученное ею образованіе не удовлетворяло ея пылкаго ума—она желала и стремилась прежде всего туда, гдѣ сотни и тысячи такихъ-же молодыхъ дѣвушекъ, оставивъ свои семьи, родныхъ и друзей, трудятся во имя науки. И дѣйствительно, если кто бесѣдовалъ съ этой милой и симпатичной дѣвушкой, то она всѣхъ привлекала къ себѣ своимъ честнымъ открытымъ взглядомъ, иногда—же сквозь ея рѣчь просвѣчивали искры юмора. Все молодое существо Вѣры Александровны дышало силою. Высокая, съ длинной русой косою, съ открытымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ характеромъ, она,—не смотря на шестилѣтнее пребываніе въ закрытомъ, съ обезличивающимъ воспитанницъ режимомъ, училищѣ, сохранила всю свѣжесть своего талантливаго ума. И, конечно, такая натура не могла пройти незамѣтной среди подругъ на тускломъ фонѣ училищной жизни и сама не могла остаться чуждой порывамъ духа, призывамъ общественной жизни—работать на пользу роднаго народа...

До отхода парохода оставалось не болѣе двухъ часовъ. Подруги мирно бесѣдовали. Солнце стояло уже низко, когда пароходъ далъ третій свистокъ и плавно отвалилъ отъ пристани. Колокольни и главы городскихъ церквей ярко блестя при лучахъ заходящаго солнца, а зеленая аллея набережной, со множествомъ гуляющей публики, казалась какъ будто позолоченной. Вѣра Александровна осталась одна на палубѣ парохода и погрузилась въ свои невеселыя думы. Наступила ночь. На небѣ появились цѣлые миллионы звѣздъ. На душѣ Вѣры Александровны стало еще темнѣе и грустнѣе. Большинство подругъ ея, утомленныхъ всѣмъ пережитымъ за истекшій день, разбрелись по своимъ каютамъ и легли спать. Она тоже вошла въ каюту сестры и стала читать книгу. Скоро, однако, утомилась и заснула. Проснулась тогда, когда пароходъ стоялъ уже у пристани въ большомъ уѣздномъ городѣ. Поднявшись съ пристани на берегъ, она долго любовалась оттуда красивымъ видомъ на Волгу и окрест-

ности. Рѣка была покрыта множествомъ судовъ самаго разнообразнаго типа. Среди судовъ сновали пароходы. Вмѣстѣ съ сестрой, Вѣра Александровна пошла по набережной къ собору. Въ то время, какъ сестра ходила въ соборъ, она снова любовалась на красавицу Волгу. Потомъ они прошли по главной улицѣ города, посмотрѣли единственный книжный магазинъ, купили новенькій сборникъ „Знаніе“ и пошли обратно.

Пароходъ далъ уже первый свистокъ, когда Вѣра Александровна съ сестрой вернулась на него. Погода какъ нельзя болѣе благоприятствовала поѣздкѣ. Было жарко и душно въ каютахъ и Вѣра Александровна вышла на палубу. На ярко голубомъ небѣ не видно было ни одного облачка. Пароходъ быстро подвигался впередъ. Теперь, когда она подвигалась ближе къ дому, въ ея воображеніи уже рисовалась другая картина: ея родина (небольшое село), такія-же поля, какія она видитъ сейчасъ кругомъ съ палубы парохода. Самыя разнообразныя мысли волной нахлынули на Вѣру Александровну и незамѣтно унесли ее съ береговъ Волги и родного села въ безпредѣльную заоблачную даль, куда такъ часто уносится человѣкъ, когда впереди еще цѣлая жизнь и не дающій покоя вопросъ: „куда идти“?

II

Привольно раскинулось небольшое село Б. на берегу одного изъ притоковъ Волги. Въ этомъ самомъ селѣ должна была жить, въ домѣ родителей, Вѣра Александровна послѣ окончанія курса. Вскорѣ она затосковала, какъ бы стала искать чего-то другого. Ничто ея не удовлетворяло, все не нравилось; ея молодыя силы рвались на просторъ, на свободу, туда гдѣ бы она могла приложить къ дѣлу всѣ свои знанія, умъ и энергію. Вѣра Александровна колебалась недолго и, наконецъ, подала прошеніе въ уѣздный училищный совѣтъ объ опредѣленіи ея на должность сельской учительницы. Она ждала и вѣрила, что тѣ искры свѣта, которыя она будетъ бросать въ беспросвѣтную народную тьму, не потухнутъ никогда, ни на минуту. Она вѣрила горячѣй вѣрой въ правду и не разъ можно было услышать отъ нея, что темноту народную можно разсѣять только черезъ образование.

Ждать пришлось недолго. Въ началѣ января 190. года Вѣра Александровна получила отъ земской управы бумагу, въ которой извѣщалась, что она назначается учительницей въ одно изъ земскихъ училищъ. Надо было видѣть ту радость, какая была у нея, когда она получила это извѣстіе! Придя домой она въ безсиліи опустилась на диванъ и цѣлый рой мыслей мелькнулъ въ ея сознаниі. Несмотря на разныя неприятности, которыя ей пришлось пережить за это время, Вѣра Александровна не теряла бодрости духа и смѣло смотрѣла впередъ. Она ясно сознавала, на какой важный и трудный шагъ она отважилась, но твердо помнила слова поэта:

„Свѣтаеть, товарищъ!...

Работать, давай!

Работы усиленной

Требуетъ край“...

И вотъ она, напутствуемая всѣми добрыми пожеланіями отъ своихъ друзей, пошла бодро, со свѣжей силой на большое святое дѣло.

Школа, въ которую попала Вѣра Александровна, стояла на большой проѣзжей дорогѣ и была чистенькая, уютная, хотя уже и не новая. Быстро освоилась молодая учительница со своимъ новымъ положеніемъ и когда прошелъ первый періодъ горячаго увлеченія школой, ее всетаки не покидало сознание серьезности и важности дѣла и она все съ той-же неотступной энергіей продолжала вести его.

Квартира у нея была уютная и въ ней можно было съ пріятностью провести нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ. По стѣнамъ висѣли портреты ея любимыхъ писателей: Толстого, Чехова, Горькаго, Андреева, Вересаева и друг. На столахъ лежало нѣсколько серьезныхъ книгъ научнаго содержанія и нѣсколько книжекъ изъ беллетристики. Видно было, что юная учительница не теряла напрасно золотого времени и въ долгіе зимніе вечера усиленно занималась самообразованиемъ.

Дѣло въ школѣ шло довольно легко,—была только одна группа и въ ней всего 30 человекъ ребятъ. Съ горячимъ увлеченіемъ занималась Вѣра Александровна съ своими учениками, но надо замѣтить, что она часто жалѣла о томъ, что ученики у нея такіе маленькіе. Ея пылкому воображенію рисовалась другая картина, а именно ученики старшаго от-

дѣленія. Сколько-бы имъ можно сказать и сообщить дѣльнаго, хорошаго!

Учебный годъ прошелъ для нея незамѣтно. Частыя поѣздки къ подругамъ и домой не давали мѣста тоскѣ. Такъ прожила зиму молодая, только что вступившая въ жизнь учительница, не знавшая ни борьбы, ни страданій.

III

Прошелъ еще учебный годъ и у молодой учительницы по прежнему была та-же неутомимая энергія. Лѣто она опять провела въ своемъ родномъ селѣ у родителей, гдѣ почти все время занималась чтеніемъ книгъ. Въ это лѣто она получила извѣщеніе, что командирована на педагогическіе курсы въ губернской городъ. Курсы предполагало устроить губернское земство.

Радостямъ Вѣры Александровны не было конца. Да какъ же въ самомъ дѣлѣ было не радоваться: тамъ соберется столько подругъ по общему дѣлу, тамъ хоть мѣсяць придется пожить общей жизнью, послушать „проповѣдниковъ лучшихъ идей“, ихъ лекціи. Но напрасны были мечты... Начальство не разрѣшило курсовъ...

Этимъ-же лѣтомъ вся Россія была поражена смертью любимаго писателя А. П. Чехова. Вѣра Александровна искренно жалѣла его, какъ лучшаго друга народныхъ учителей и учительницъ. Снова перечитывала его художественныя произведенія, чтобы воскресить въ своей душѣ образъ дорогого писателя. Теперь самымъ любимымъ ея стихотвореніемъ стало стихотвореніе Галиной:

Памяти А. П. Чехова.

Да, онъ вѣрилъ, что жизнь впереди
Будетъ свѣтлой, свободной, прекрасной...
Освѣщало ему сумракъ ночи ненастной
Солнце вѣры въ груди...

* * *

И рисуя печаль слабыхъ хмурыхъ людей,
Пошлость бѣдной и маленькой жизни,
Онъ и ждалъ, и желалъ для отчизны
Новыхъ, ясныхъ и радостныхъ дней...

* * *

И онъ видѣлъ въ мечтахъ чудный будущій вѣкъ
Красоты, и свободы, и знанія,
Гдѣ прекрасный, какъ въ день мірозданія,
Будеть жить безъ цѣпей человѣкъ...

* * *

IV

Лѣтомъ 1905 г. губернская управа задумала устроить экскурсіи учащихся и съ этой цѣлью предварительно разослала во все школы нѣсколько выработанныхъ маршрутовъ. Все данныя были за то, что-бы ѣхать, и Вѣра Александровна, не долго думая, согласилась, выбравъ маршрутъ: СПб., островъ Валаамъ, Сердоболь, Иматра, Выборгъ, Гельсинфорсъ, Ревель, Рига и Москва. Новыя мѣста, знакомства, товарищи по общему дѣлу быстро захватили все существо Вѣры Александровны и она наслаждалась поѣздкой въ полномъ смыслѣ слова, и когда послѣ трехъ-недѣльнаго путешествія пришлось разставаться съ товарищами, то она чуть не плакала, вспоминая, что ей опять предстоитъ въ будущемъ одиночество и тоска. Впрочемъ это мимолетное чувство быстро исчезло, когда она узнала, что въ августѣ мѣсяцѣ опять все встрѣтятся на общемъ собраніи учительскаго общества взаимопомощи.

Вотъ и августъ. Наступилъ день отъѣзда. На пароходѣ встрѣтилось очень много знакомыхъ; пошли воспоминанія о поѣздкѣ въ Финляндію, споры, смѣхъ, общее пѣніе. Чувствовалось: что-то такое новое, до сего времени невиданное, захватило учителей. Все были дружны, веселы. Въ попутномъ городѣ сѣло на пароходъ еще нѣсколько человѣкъ учителей и учительницъ. Появилась въ рукахъ мѣстная газета, въ которой только-что было напечатано очень теплое письмо къ товарищамъ учителямъ Ярославской губ. отъ руководителя начальной школы въ Кроноборгѣ, Выборгской губ.—Х. Я. Матикайна.

Большой свѣтлый залъ губернскаго земства едва могъ вмѣстить всехъ собравшихся. Маститый писатель, председатель общества взаимопомощи, уже знакомый учителямъ и учительницамъ по курсамъ 1901 г., открылъ собраніе прекрасною рѣчью. Началось чтеніе докладовъ, въ которыхъ яркими красками описывалось современное положеніе учащихся. Цѣлую бурю восторговъ вызвалъ докладъ правовой комис-

сіи. Вечеромъ пришлось слышать рѣчи о современномъ положеніи Россіи, о программахъ различныхъ политическихъ партій. Съ свѣтлыми надеждами, съ большимъ подъемомъ духа разбѣхались учащіе по своимъ школамъ. Казалось, что то хорошее наступаетъ въ ихъ мрачной жизни, но это только казалось, пока всѣ были вмѣстѣ. При видѣ же своихъ развалившихся школъ, голодающихъ ребятишекъ, всѣ эти радужныя мечты разлетѣлись, какъ дымъ...

У

Манифестъ 17 октября, казалось, открылъ широкое поле для дѣятельности учителя. И вотъ Вѣра Александровна принялась за устройство митинговъ. Она видѣла, что ей открылась теперь дорога въ новый міръ, что она свободно можетъ говорить мужичкамъ то, что такъ давно интересуется ихъ, что имъ всего дороже, о землѣ и о волѣ. Да, она говорила... Каждое слово глубоко западало въ душу этихъ тружениковъ. Она раскрыла имъ глаза, указала причины, которыя привели русскій народъ къ невѣжеству, нищетѣ и голоду, и, наконецъ, къ неслыханнымъ до сего волненіямъ, смутамъ и кровавымъ междоусобіямъ... Она горячо отдалась этой проповѣди среди крестьянъ и они полюбили ее, эту милую симпатичную дѣвушку, полюбили всей душой, потому что поняли, что она родная имъ по духу.

Однажды дѣти, придя въ училище, не застали тамъ своей любимой учительницы. Ночью ей не дали отдохнуть отъ трудовъ и увезли въ тюрьму, предварительно все перерывъ въ ея квартирѣ. Ребятишки, а вслѣдъ за ними и бабы, горько плакали, а мужики ходили мрачными, но наконецъ составили приговоръ, прося освободить дорогую учительницу, но до сихъ поръ ея нѣтъ...

Какъ неожиданно и какъ зло разрѣшился для Вѣры Александровны вопросъ: „куда идти“!

Д. Ма-вз.

ЛЕТУЧІЯ ЗАМѢТКИ.

Я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу такъ называемыхъ разумныхъ развлеченій для учениковъ во время праздниковъ, т. е. по поводу елокъ, чтеній съ туманными картинами и т. п., хотя можетъ быть вопросъ этотъ и не одинъ разъ обсуждался въ печати.

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“... Надежда увидать восходы окрыляетъ „сѣятелей“—учителей на ихъ трудной работѣ, хотя далеко не всѣ „старые“ учителя пожинають восходы. Рѣдкій учитель не сознаетъ важности того бремени, которое онъ добровольно беретъ на свои плечи въ лучшіе годы своей жизни. Не удивительно, по этому, что многіе учителя „не ремесленники“ жертвуютъ для „малыхъ сихъ“ не только учебнымъ временемъ, но и своими досугами въ такіе дни, какъ праздникъ Рождества Христова, масляница и др.

Въ продолженіе 20 лѣтъ я устраивалъ „елки“ болѣе 10 разъ и много читалъ, демонстрируя чтенія туманными картинами. Нужно много труда и энергій, не говоря уже о знаніи дѣла, для организациі чтеній такъ, чтобы дѣло не ограничивалось, со стороны слушателей, разсматриваніемъ только картинъ, какъ это было въ мои первые дебюты. У нашихъ мужиковъ, подернутыхъ мишурной культурой, не хватаетъ терпѣнія для детального пониманія той или другой картины, въ особенности если текстъ длиненъ и мало доступенъ деревенскимъ обитателямъ, въ родѣ крестьянъ того села, гдѣ я въ настоящее время учительствую (въ одной изъ южныхъ губерній), для которыхъ иногда и самыя ясныя картины бывають „туманными“. Сравнительно мало имѣется та-

кихъ разсказовъ для народа, какъ „Кавказскій плѣнникъ“ Толстого и „Тарась Бульба“, содержаніе которыхъ привлекаетъ все вниманіе слушателей, при чемъ картины производятъ такое сильное впечатлѣніе, что вся аудиторія, отъ мала до велика, поражается и восклицаетъ на всѣ лады. Необходимо тактичность со стороны учителя, чтобы дать уলেখся порывамъ непосредственныхъ натуръ,—тогда только чтеніе пойдетъ ровно. Болѣе сдержаннымъ элементомъ являются солдаты, купчики и евреи, которые, вѣроятно чтобы не показаться профанами, смотрятъ на картины съ спокойно объективнымъ величіемъ, хотя, въ силу своего привилегированнаго положенія, стараются занять „первыя мѣста“. Для учениковъ, по моему, чтеніе должно предшествовать картинамъ, а не сопутствовать имъ. Помню, въ одной школѣ я такъ дѣлалъ: объявляю, что буду читать „Князь Серебряный“, но съ условіемъ, что если будутъ слушать внимательно, то послѣ чтенія покажу картины. Съ взрослыми этотъ опытъ не удавался: этимъ, на оборотъ, педавай или сразу всѣ картины, или постепенно, но при краткихъ объясненіяхъ.

Не безъ курьезовъ обходится тамъ, гдѣ туманныя картины вводятся въ первый разъ. Для примѣра разскажу одинъ случай. Объявляю ученикамъ, что привезу волшебный фонарь и буду показывать картины. Дня чрезъ 3—4 крестьяне школьнаго района заговорили на тему о волшебномъ фонарѣ, и разговоры были не въ пользу учителей. Слову „волшебный“ многіе придали буквальный смыслъ и учителей окрестили волшебниками. А нужно сказать, что народъ въ нашемъ районѣ религіозный, хотя и темный.

Одновременно съ фонаремъ я объявилъ и о елкѣ.

За годъ своей службы въ этомъ селѣ я не успѣлъ заручиться довѣріемъ жителей, а потому и къ вѣсти о елкѣ они отнеслись на столько скептически, что одинъ крестьянинъ запретилъ своему сыну участвовать въ разыгрываніи басни въ лицахъ, а другой разнесъ слухъ, что учитель въ школѣ портитъ дѣтей, сводя ихъ женихами и невѣстами („Демьянова уха“ въ лицахъ, гдѣ дѣвочка—„жена“ Демьяна должна отвѣсить поклонъ Фокѣ).

Передавать другіе курьезы—значило бы выходить изъ границъ краткой замѣтки. Досаднѣе всего то, что въ глухихъ селахъ люди, стоящіе по развитію выше крестьянъ,

намѣренно стають въ оппозицію къ учителю по вопросу о елкѣ, хотя я, чтобы не было несправедливыхъ нареканій, всегда испрашиваю, съ представленіемъ программы, разрѣшеніе у Инспектора (котораго, кстати сказать, многіе крестьяне смѣшиваютъ съ Наблюдателемъ и не знаютъ, чы винъ съ золотыми гузынами, чы съ широкими рукавами). Не смотря на авторитетное разрѣшеніе Инспектора и одобреніе имъ программы, „интеллигентъ“ въ разговорѣ съ передовымъ крестьяниномъ Лавочникомъ заявилъ, что елка порицается о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Лавочникъ, какъ человекъ религиозный, повѣрилъ и, вѣроятно поэтому, даже не привезъ мнѣ елки, для покупки которой ему даны были деньги.

Противники елки говорятъ: не стоитъ крестьянскихъ дѣтей баловать ощущеніями, какія получаются отъ „елки“, которая въ жизни повторяться не будетъ и только вызоветъ въ душѣ горькій осадокъ. Но вѣдь и празднику Пасхи предшествуетъ, для крестьянскаго ребенка, томительное годовое ожиданіе?

Въ селахъ съ болѣе или менѣе культурнымъ населеніемъ устройство елки не только не встрѣчаетъ препятствій, но, наоборотъ, пользуется поддержкой и нравственной и матеріальной. Елка—невинная забава для дѣтей, къ которымъ присосѣживаются и бородачи; но впечатлѣніе отъ елки остается у малышей на всю жизнь. „Скудная елка, дѣвочка рада“!

Трудно вдолбить нашему крестьянину, что не о. Іоаннъ Кронштадтскій авторитетъ въ эстетикѣ; но все таки я надѣюсь, что не далеко время, когда разумныя развлеченія займутъ видное мѣсто въ дѣлѣ просвѣщенія народа и учителя будутъ смотрѣть на нихъ не какъ на приватный трудъ.

Г. Мо-вз.

КТО ПРАВЪ?

(Къ вопросу объ экзаменахъ на льготу).

Крестьяне очень недоумѣваютъ и часто обращаются ко мнѣ съ вопросомъ: „для чего устраиваютъ хлопотливые экзамены и зачѣмъ выдаются льготныя свидѣтельства, когда всѣ нижніе чины въ настоящее время, какъ имѣющіе эти свидѣтельства, такъ и не имѣющіе ихъ, отпускаются домой одновременно.

Раздѣляя недоумѣніе крестьянъ, я все же стою за экзамены, такъ какъ благодаря имъ могу слышать оцѣнку своего труда, выяснить самъ себѣ результаты, какіе достигнуты, провѣрить работу и, наконецъ, подѣлиться своими школьными интересами съ тѣми лицами, кои могутъ ихъ понять и оцѣнить. Думаю, что экзамены на этомъ же основаніи желательны для всѣхъ сельскихъ учителей и даже для учащихся дѣтей. Жаль только, что председателями испытательныхъ комиссій иногда назначаются лица, которыя и народной-то школы не видывали, и съ крестьянскими ребятами ни когда не разговаривали. Приравнивая школу къ низшимъ классамъ среднихъ учебныхъ заведеній, они экзаменуютъ крестьянскихъ мальчиковъ не умѣло и не въ мѣру строго, къ народнымъ учителямъ относятся съ недоувѣрjemъ, часто съ ироніей и съ претензіей поучать ихъ. Отсюда между председателемъ и учителями нерѣдко случаются недоразумѣнія. Во избѣжаніе непріятностей, учителя, примѣняясь къ требованіямъ такихъ экзаменаторовъ, по необходимости мало обращаютъ вниманіе на болѣе существенное, а именно: на серье-

зное объяснительное чтение, на письменное изложение мыслей, на сообщеніе свѣдѣній по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію; самая подготовка къ экзаменамъ имѣетъ характеръ не ученья въ хорошемъ смыслѣ этого слова, а какой-то выучки, дрессировки. Главныя старанія направлены къ тому, чтобы ученики возможно правильнѣе писали подѣ диктовку, тонко дѣлали грамматическій разборъ и быстро рѣшали хитрыя ариѳметическія задачи, большею частью алгебраическаго характера. Во многихъ губерніяхъ ученики для сдачи экзамена не „въ крайнихъ случаяхъ“, какъ сказано въ правилахъ объ испытаніяхъ, а просто по личному произволу изъ нѣкоторыхъ школъ собираются въ одну (часто и не въ центральную). Сельскій старшина или волостное правленіе наряжаютъ общественныя подводы и учениковъ везутъ на экзамены не рѣдко за десятки верстъ. Впрочемъ чаще всего ученики идутъ туда пѣшкомъ или же ѣдутъ на лошадахъ своихъ родителей, такъ какъ выхлопотать общественныя подводы учителю не всегда удается. Тамъ дѣтей держатъ иногда цѣлыя сутки усталыхъ, голодныхъ, оступившихъ отъ долгаго и напряженнаго ожиданія своей очереди. При такихъ условіяхъ немудрено, конечно, ребенку и „провалиться“. А между тѣмъ тотъ или другой исходъ экзаменовъ имѣетъ для учителей серьезное значеніе, такъ какъ по числу выдержавшихъ выпускные экзамены многіе инспектора и директора училищъ судятъ о педагогической дѣятельности учителя. По дѣйствующимъ правиламъ, къ экзамену на льготу допускаются ученики, даже не достигшіе одиннадцати-лѣтняго возраста. Но такое раннее окончаніе курса является большимъ зломъ въ жизни сельской школы. Не получи 10—11-ти лѣтній мальчикъ свидѣтельства, онъ навѣрное еще не одинъ годъ продолжалъ бы учиться, и эти годы, понятно, были бы наиболѣе полезными для его образованія. Теперь же онъ, имѣя свидѣтельство, а часто и похвальный листъ, своего рода аттестатъ зрѣлости, совсѣмъ забрасываетъ книжку. Ко времени призыва на военную службу, въ головѣ его зачастую почти ничего не остается изъ той грамматической премудрости, на усвоеніе которой было потрачено такъ много силъ. Бывали примѣры, что окончившіе курсъ ко дню набора забывали даже механизмъ письма, не умѣли даже хорошо читать по печатному: это и не удивительно, если цѣлыхъ 10 лѣтъ не

бралъ въ руки ни пера ни книги. Сами ревизующіе школу бываютъ не рѣдко виноваты въ этомъ печальномъ явленіи. Нѣкоторые изъ нихъ, являясь въ классъ на ревизію, прежде всего спрашиваютъ, нѣтъ-ли тутъ учениковъ окончившихъ уже школу. Если такіе окажутся, то они умышленно обходятъ ихъ своими вопросами, а то и совсѣмъ высылаютъ изъ класса. Такое отношеніе училищнаго начальства крайне обидно для дѣтей. Они, имѣя уже свидѣтельство, учатся, такъ сказать, ради одного ученія, а тутъ ихъ безкорыстное стремленіе къ свѣту и знанію, не заслуживаетъ даже простаго вниманія ревизора. Своимъ пренебрежительнымъ обращеніемъ съ ними такіе ревизоры прямо показываютъ, что весь смыслъ ученія въ школѣ заключается не въ знаніи, а единственно въ полученіи свидѣтельства на льготу, между тѣмъ, какъ уже сами крестьяне начинаютъ цѣнить не свидѣтельства на льготу, а развитіе и познанія, требуемая ихъ жизненнымъ обиходомъ.

Старый народный учитель.

ЗАДАЧИ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

Земля наша кормилица.

Народная поговорка.

Трудна и незавидна доля сельскаго учителя. За грошевое жалованье приходится ему работать безъ устали, не рѣдко одному съ 60—80 учениками въ трехъ отдѣленіяхъ. Иногда квартира безкорыстнаго труженика состоитъ только изъ одной небольшой комнаты, которую вѣтеръ насквозь продуваетъ. Каждый день необходимо заниматься въ душныхъ, низкихъ классахъ, переполненныхъ учениками, а затѣмъ половину остальнаго времени надо провести сидя, поправляя тетради, въ сырой холодной комнатѣ. Не удивительно по этому, что добрая половина учителей не можетъ похвастаться здоровьемъ.

Очень немногія учрежденія обратили вниманіе на незавидное положеніе учителя и начали стараться облегчить его. Большая часть „сильныхъ міра сего“ смотрятъ на скромнаго труженика съ предубѣжденіемъ. Каждая попытка стать ближе къ крестьянину принимается за революціонную пропаганду. За то безкорыстный труженикъ-учитель приобрѣлъ симпатіи крестьянина, который, однако, не въ силахъ матеріально помочь ему, такъ какъ самъ бѣденъ и теменъ, да обремененъ налогами прямыми и косвенными.

Въ виду недовѣрчиваго отношенія властей къ учителю, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе учителя, если вѣрять газетамъ, дѣйствительно пустились въ политическую

пропаганду и возбуждали народъ къ аграрнымъ беспорядкамъ, позабывъ, что русскій бунтъ всегда былъ и будетъ бессмысленъ и жестокъ, что темный народъ, обезумѣвъ, безпощадною рукою смететъ все съ лица земли, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, что вихрь возстанія подобно весеннимъ водамъ унесетъ все попавшееся на пути.

Но мы, однакоже ошибемся, если безусловно осудимъ товарищей, принявшихъ участіе въ прошлыхъ аграрныхъ возстаніяхъ и, въ настоящее время, жестоко уже пострадавшихъ. Можемъ только сожалѣть, что, желая помочь любимому, бѣдствующему народу, они пошли по ложному пути и надѣлали столь много бѣдствій себѣ и любимому народу.

Цѣль моя, въ настоящей статьѣ, указать на задачи сельскаго учителя помимо его чисто школьной дѣятельности.

Задачи эти, по моему мнѣнію, заключаются въ томъ, чтобы развить въ ученикахъ любовь къ земледѣлію, быть самому образцовымъ сельскимъ хозяиномъ, хотя въ небольшихъ размѣрахъ, и сдѣлаться первымъ совѣтникомъ крестьянина по сельскому хозяйству.

Я не могу, конечно, утверждать, что во всей Россіи учителя такъ не внимательно относятся къ сельскому хозяйству, какъ въ извѣстномъ мнѣ районѣ (въ Холмскомъ и Торопецкомъ уѣздахъ Псковской губ.).

Конечно вина падаетъ большею частью на мѣстное самоуправленіе: 1) потому что не многія школы имѣютъ земли, 2) потому что почти весь учительскій персоналъ состоитъ изъ лицъ не понимающихъ и не интересующихся сельскимъ хозяйствомъ.

При такомъ порядкѣ вещей нерѣдко замѣчается слѣдующее явленіе: Ученики выходятъ изъ школы грамотными, но получаютъ отвращеніе къ земледѣльческому труду, считаютъ позоромъ таскать „Андреевну“ (соху). Это, молъ, дѣло не грамотныхъ мужиковъ, а грамотный обязательно долженъ быть писаремъ или уйдти въ Питеръ на заработки. Ушедшіе въ столицу дѣлаются конкуррентами уже и безъ того такъ сильно нуждающемуся въ работѣ пролетаріату и сперва присылаютъ домашнимъ отъ скудныхъ заработковъ какіе-нибудь гроши, а затѣмъ присылка денегъ вовсе прекращается.

Поэтому въ упомянутомъ районѣ земледѣліе находится еще на самой первобытной ступени. Вездѣ трехполье, вездѣ

простая русская соха и деревянные изъ елевыхъ суковъ бороны, а потому всегда недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ 4 раза правительство выдавало для Холмскаго уѣзда ссуды то для засѣва яровыхъ и озимыхъ полей, то для прокормленія населенія. А между тѣмъ земля при тщательной обработкѣ способна давать слѣдующіе урожаи: рожь и ячмень самъ 8—14-й, овесъ самъ 4—8. Въ этомъ я убѣдился личнымъ опытомъ.

Почему такое не нормальное положеніе вещей? Земля одарена природными богатствами, а населеніе голодаетъ.

Недостатокъ въ землѣ въ нашей мѣстности пока не очень чувствителенъ. Многіе крестьяне отдаютъ свои надѣлы въ аренду, а сами уходятъ въ столицу. Нѣкоторые, по немѣнью лошадей и сѣмянъ, отдаютъ надѣлы въ аренду за самую ничтожную цѣну. Платить высокую аренду за крестьянскій надѣлъ не возможно, потому что земля истощена и урожаи получаютъ очень скудные. 15-лѣтнимъ наблюденіемъ я убѣдился, что ежегодно число крестьянъ, не имѣющихъ лошадей („безкобыльниковъ“ на мѣстномъ нарѣчїи) увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и отдача надѣловъ въ аренду.

Если вы укажете крестьянину, что такъ нельзя вести хозяйство, что нужно его измѣнить, то онъ вамъ отвѣтитъ: „Наши дѣды такъ живали да сыты бывали; а если не урожай такъ на то Воля Господня“.

Дѣйствительно, лѣтъ 15—20 тому назадъ урожаи были лучше, но это происходило по слѣдующей причинѣ. Въ то время каждую деревню окружали помѣщичьи земли, которыя не приносили дохода своимъ владѣльцамъ, а потому помѣщики охотно продавали за 5 рублей десятину. Елевый лѣсъ еще имѣлъ какую нибудь цѣну на берегахъ сплавныхъ рѣкъ, но на разстояніи 10—15 верстъ отъ берега сплавной рѣки почти ничего не стоилъ. Помѣщики охотно отдавали свои дачи крестьянамъ на распашку. Лѣсъ поступалъ въ пользу крестьянъ, а помѣщикъ получалъ $\frac{1}{3}$ отъ урожая. Крестьяне пахали пока земля давала хорошій урожай, затѣмъ срубали новый участокъ. $\frac{2}{3}$ отъ урожая они перевозили со всей соломой домой, солома скармливалась скоту и давала удобреніе надѣльной землѣ.

Теперь положеніе вещей измѣнилось. Въ періодъ 1880—1890 г.г. началась усиленная колонизація края Лифлянд-

скими уроженцами эстами и латышами и крестьянами Псковскаго и Островскаго уѣздовъ. Цѣна на землю поднялась и въ 1904 г. дошла до 100 руб. за десятину. Только въ настоящее время цѣна на землю, вслѣдствіе политическихъ осложненій, опять понизилась.

Оставшимся дачами помѣщики стали дорожить, потому что на строевой лѣсъ поднялась цѣна, хотя дрова вдали отъ желѣзныхъ дорогъ все еще очень дешевы. Дачи на распашку перестали даваться и мѣстный крестьянинъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Привыкъ онъ къ шаблонной обработкѣ земли, не имѣетъ средствъ ввести техническія усовершенствованія новѣйшаго времени, не хватаетъ на это энергіи и умѣнія.

Здѣсь должно бы помочь молодое, болѣе образованное и предпримчивое поколѣніе, но, благодаря мѣщанскому школьному воспитанію, оно не имѣетъ ни любви, ни охоты къ земледѣлію, покидаетъ родную деревню, уходитъ въ столицу и возвращается безцвѣтнымъ, испорченнымъ, усталымъ, ни къ чему не способнымъ, и дѣлается тяжелымъ бременемъ для страны.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ недостатокъ земли дѣйствительно ощутителенъ, вслѣдствіе прироста населенія и вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія надѣловъ, и крестьяне дожидаются увеличенія надѣловъ. Но, вѣдь, никакое правительство не можетъ дать крестьянамъ столько земли, сколько имъ нужно при первобытной системѣ обработки, а поэтому нужно поднять урожай на землѣ, которою въ настоящее время владѣютъ крестьяне.

Здѣсь народный учитель, какъ лицо пользующееся довѣріемъ крестьянъ, при благопріятныхъ условіяхъ могъ бы оказать огромную услугу крестьянамъ въ смыслѣ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія.

Земледѣліе-это трудъ, требующій не только умѣнья, но и твердой энергіи, а поэтому прямая задача сельскаго учителя, желающаго быть полезнымъ любимому народу, посвятить все свободное лѣтнее время земледѣлію и садоводству и быть нагляднымъ примѣромъ крестьянину.

Напѣ крестьянинъ очень недовѣрчиво относится къ интеллигенціи, желающей дать ему совѣты и указанія. Этимъ объясняется малоуспѣшность земскихъ агрономовъ. Сельскій

же учитель всегда на виду у крестьянина и его примѣръ можетъ служить самой краснорѣчивой лекціею.

Кромѣ того, физическій трудъ на свѣжемъ воздухѣ послужить хорошимъ средствомъ для укрѣпленія поврежденнаго зимнею усидчивостью здоровья, что я испыталъ на себѣ въ продолженіи 16-лѣтней практики. 18-лѣтнимъ юношей, начиная педагогическія занятія, я уже признавался врачами за чахоточнаго. Усердно занимаясь каждое лѣто сельскохозяиственными работами, я осенью всегда чувствовалъ себя здоровымъ; весною же въ первые годы моей практики ощущалъ всегда грудную боль и страдалъ легкимъ сухимъ кашлемъ. Впослѣдствіи, благодаря физическому труду, мой организмъ такъ укрѣпился, что теперь считаюсь совершенно здоровымъ.

Желательно было бы, чтобы при введеніи всеобщаго обязательнаго народнаго образованія каждая школа была надѣлена землей. По недостатку земли, многіе учителя, интересующіеся садоводствомъ и земледѣліемъ, лишены возможности заняться имъ.

Надѣюсь, что многіе товарищи, до сихъ поръ не посвятившіе себя благородному физическому труду, согласятся со мной и посвятятъ силы свои земледѣльческому труду и станутъ примѣромъ для темнаго, необразованнаго поселанина, укажутъ ему путь къ матеріальному благополучію и пріучатъ своихъ учениковъ любить скромный, но благородный крестьянскій трудъ.

Учитель А. И. Дрейманъ.

„Просвѣщеніе“.

Въ одно время съ выходомъ въ свѣтъ № 1 «Откликъ народнаго учителя» появился въ печати и № 1 «Просвѣщенія», издаваемого Московскимъ областнымъ отдѣломъ Лиги образованія. Этотъ органъ, по мнѣнію Лиги, «долженъ послужить, какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ, для укрѣпленія тѣхъ демократическихъ началъ, которыя Лига образованія положила въ основу кореннаго усовершенствованія просвѣщенія въ Россіи». Редакція «Просвѣщенія» призываетъ къ «дружной журнальной работѣ всѣхъ просвѣтительныхъ общества... Особенно же дороги участіе въ журналѣ и интересы разбросанныхъ по дебрямъ Россіи учителей и учительницъ народныхъ и воскресныхъ школъ».

«Лига образовалась въ томъ предположеніи, говоритъ г. Вахтеровъ на 3 стран. «Просвѣщенія», что соединенными усиліями всѣхъ борцовъ за освобожденіе въ ближайшемъ будущемъ восторжествуетъ тотъ новый порядокъ свободы, равенства и права, когда станетъ возможной истинная культурная дѣятельность, убитая въ странѣ старымъ приказнымъ строемъ. Болѣе того: Лига имѣетъ въ виду сама мощно содѣйствовать насажденію и укрѣпленію новаго строя, воздѣйствуя на широкіе круги населенія какъ путемъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія».

Вслѣдъ за этимъ г. Вахтеровъ произноситъ грозную филиппику противъ существующаго строя и старой, хотя еще функціонирующей школы. Но это обвиненіе страдаетъ, кажется, крайней предвзятостью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣетъ подъ собою реальной почвы и противорѣчитъ самому

себѣ. Наприм. въ концѣ своей статьи г. Вахтеровъ говорить, что «въ этомъ безысходномъ мракѣ (переживаемый нами политическій моментъ) брезжить, правда, издали, но зато вѣрный лучъ свѣта». Какая свобода въ обращеніи съ словами! *Въ безысходномъ мракѣ брезжитъ лучъ*. И какое превращеніе! «Ближайшее будущее» уже «брезжить издали». Мало того: уважаемый авторъ въ утѣшеніе измученныхъ безвременьемъ «неустанныхъ труженниковъ» приводитъ уже слѣдующее неутѣшительное соображеніе: «По тѣ, кого неудачи освободительнаго движенія приводятъ въ отчаяніе,... все же могутъ повѣрить въ просвѣтительную работу... И, быть можетъ, въ этой работѣ они вновь найдутъ въ себѣ утраченную вѣру и погибшія надежды»... По нашему глубокому убѣжденію, «*быть можетъ*» граничить уже съ полнымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ и заставляетъ припомнить, что розовыя надежды на «*быть можетъ*», вѣроятно, были и у Андрея Курбскаго съ Шибановымъ, и у Разина съ Пугачевымъ, и у мечтателей-декабристовъ, и у другихъ «борцовъ за освобожденіе». На этотъ счетъ г. Дорошевичъ представилъ хорошую картину встрѣчи въ аду бывшихъ борцовъ съ настоящими. Можемъ ли, послѣ такихъ увѣреній г. Вахтерова, мы, рядовые учителя, отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ предпринимаемой Лигою дѣятельности, направленной къ улучшенію нашей участи?

«Лига, говоритъ г. Вахтеровъ, справедливо ставитъ своей задачей роспространеніе общаго образованія. Но у насъ до сихъ поръ не было общеобразовательной школы; истинная общеобразовательная школа должна быть независимой отъ политическихъ, клерикальныхъ, сословныхъ и вообще партійныхъ интересовъ, а нашъ приказный строй смотрѣлъ на школу только какъ на средство къ своему собственному укрѣпленію»... И т. д. въ томъ же духѣ

Жарко становится отъ этой тирады раскрашенныхъ словъ, а на повѣрку всего этого негодующій авторъ не привелъ ни одного удачнаго доказательства. Во-первыхъ, въ какихъ школахъ трудятся «разбросанные по дебрямъ Россіи учителя и учительницы», интересы которыхъ дороги редакціи «Просвѣщ.» пока еще на словахъ? Вѣдь эти школы по курсу и программамъ считаются, кажется, общеобразовательными, а не спеціальными.

Во-вторыхъ, въ чемъ состоитъ зависимость нашей школы отъ политическихъ, клерикальныхъ и иныхъ интересовъ? И

какія средства въ школѣ употребляетъ приказный строй для своего укрѣпленія? Можетъ быть, по этому поводу есть какіе-нибудь тайные циркуляры, которыхъ мы, учителя, не знаемъ и съ которыми въ своей дѣятельности не считаемся? Я служу учителемъ болѣе 20 лѣтъ и не чувствовалъ надъ собою правительственнаго гнета. Можетъ быть, у меня приглушена чувствительность? Я училъ по той же программѣ, какую предлагаетъ и Лига въ приложеніи къ № 1 «Просвѣщ.» Ни разу также моимъ ученикамъ не предлагалось на экзаменѣ вопросовъ, подобныхъ приведеннымъ въ этомъ приложеніи: «какъ зовутъ попечителя учебнаго округа, и кто у насъ министръ народнаго просвѣщенія». Думаю, что и другіе учителя глухой провинціи не встрѣчались съ такими вопросами, которые, если и предлагались, такъ, вѣроятно, совершенно случайно и только въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣеть пребываніе попечитель округа или министръ просвѣщенія. Такъ вѣдь на этотъ счетъ старики говорятъ, что «глухая рѣчь— не пословица». Нельзя обобщать случайности.

Потомъ въ этомъ приложеніи къ № 1 «Просвѣщ.» говорится еще, что въ старой низшей школѣ «дѣтей душили грамматикой». Неужели? программа этого не требовала. А если, можетъ быть, наиболѣе ревностные учителя и особенно учительницы дѣйствительно повинны въ этомъ грѣхѣ, такъ— «вольному-воля, спасенному рай». И если на экзаменѣ, можетъ быть, и предлагались вопросы изъ грамматики, то, вѣроятно, это дѣлали незнакомые съ программами члены училищнаго совѣта, вкусившіе начала средней школы представители земствъ и городовъ: городской голова, предсѣдатель земской управы и т. п. господа, которыхъ предлагаетъ въ школьные совѣты и Лига образованія (прилож. къ № 1 «Просв.»), отдѣлъ «объ управленіи школами»). А эти господа способны предлагать и не такіе вопросы.

Далѣе въ этомъ же «приложеніи» повѣствуется, что «лучшихъ учителей и учительницъ переводили съ мѣста на мѣсто, увольняли, ссылали». Можетъ быть, эти «радѣтели народа» въ своей учительской дѣятельности слишкомъ увлекались «политическими, клерикальными, сословными и вообще партійными интересами», отъ которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Вахтерова, «общеобразовательная школа должна быть независимой», а преслѣдуемые учителя и учительницы

обращали ее, бѣдную, въ арену борьбы съ «старымъ строемъ»?

Въ своей статьѣ, на 5 страницѣ «Просвѣщенія», г. Вахтеровъ заявляетъ, какъ о чемъ-то новомъ, о существованіи въ педагогикѣ «эвристическаго метода преподаванія, который отличается отъ обычнаго въ старой (т. е. существующей) школѣ излагательнаго, лекціоннаго и другихъ и для разработки и распространенія котораго отъ Лиги потребуются много труда». Благое начинаніе Лиги можно только привѣтствовать, и мы посмотримъ, какъ Лига выполнитъ эту свою задачу. Только я о существованіи этого метода зналъ, когда еще учился въ семинаріи, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, и принималъ его въ своей школѣ. Думаю, что и другіе мои коллеги знакомы съ этимъ методомъ, если только они вообще знакомы съ методиками.

Наконецъ г. Вахтеровъ говоритъ, что «Лигѣ придется озаботиться приготовленіемъ новыхъ учителей, соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ школьнаго дѣла», и «надо будетъ пайти такую комбинацію въ управленіи школами, чтобы совместно съ учителями въ школьномъ строительствѣ участвовали и родители», такъ какъ, по мнѣнію автора, — «вліяніе родителей на дѣтей гораздо старше не только школы, но и письменности, оно опирается на самыя стойкіе и вѣчные природныя инстинкты»... Г. Вахтерову, вѣроятно, извѣстны «природныя инстинкты» г.г. Простаковыхъ, Обломовыхъ, Разуваевыхъ, Колупасовыхъ, Деруновыхъ и ихъ воспитательное вліяніе на дѣтей: Илюшу, Митрофанушку и т. д. Думаю, что эти господа не вывелись и теперь, и съ ними Лига образованія предлагаетъ учителю совѣтоваться въ своей просвѣтительной дѣятельности, хотя въ то же время и заявляетъ, что «онъ вѣдь знаетъ, что нужно народу, что понадобится его ученику въ жизни».

Что же касается приготовленія «новыхъ учителей», то по этому вопросу обратимся къ другому сотруднику «Просвѣщенія» — учителю земской школы Ив. С., который пишетъ, что сложную проблему школьнаго воспитанія и обученія не можетъ правильно рѣшить теперешній малообразованный учитель, который съ его запасомъ научныхъ знаній не можетъ удовлетворить жажды любознательности въ ученикѣ и тѣмъ убиваетъ въ немъ интересъ къ ученію. «Не странно ли въ са-

момъ дѣлѣ то убѣжденіе, говоритъ Ив. С., что 40—50 человѣкъ маленькихъ дѣтей съ нѣжнымъ тѣломъ и съ нѣжною душою можно вручить малообразованному человѣку?... Курсъ наукъ, который долженъ пройти будущій учитель, долженъ быть не меньше университетскаго... Курсы и сѣзды, устраиваемые для пополненія учительскаго образованія, есть только палліативы, далеко не достигающіе своей цѣли. . На самообразованіе учителя тоже не приходится рассчитывать,— для этого у него нѣтъ ни времени ни средствъ». Конечно, какъ не пожелать для нашей бѣдной низшей школы такихъ высокообразованныхъ учителей? Но насколько практически осуществимъ этотъ проектъ, пусть намъ докажетъ сама Лига на основаніи простыхъ математическихъ вычисленій. А что эти высокообразованные господа дѣйствительно принесутъ школѣ большую пользу, чѣмъ скромныя учительницы, часто обладающія такъ называемымъ «домашнимъ» образованіемъ, такъ нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить теперешнее плачевное состояніе нашей средней школы. Если намъ укажутъ на разные «глупые» циркуляры, программы и тому подобныя стѣсненія, такъ вѣдь и «умные» циркуляры не всегда гарантируютъ хорошее ихъ исполненіе, чему также не мало доказательствъ встрѣчается въ повседневной жизни.

Конечно, школа нуждается въ усовершенствованіи и, если мы ее теперь реформируемъ по своему, то, навѣрно, слѣдующее за нами поколѣніе все-таки признаетъ ее непригодной и съ не менѣе острой борьбой, чѣмъ мы, вновь примется за ея исправленіе. И напрасно редація «Просвѣщенія» увѣряетъ, что будто бы только теперь «о школѣ, объ этомъ дорогомъ для всѣхъ дѣлѣ, много говорятъ и пишутъ, вопросъ этотъ обсуждается въ собраніяхъ и на сѣздахъ, образуются общества для борьбы съ невѣжествомъ» и т. д. О необходимости «распространенія просвѣщенія» и «усовершенствованія воспитанія» писала Екатерина II въ своемъ «Наказѣ»; объ этомъ заботилось тогда же «Дружеское ученое общество» съ Новиковымъ и Шварцемъ во главѣ, съ неменьшей, можетъ быть, энергіей, чѣмъ это предполагаетъ сдѣлать Лига образованія благія намѣренія которой, конечно, можно только приветствовать. И мы, учителя, съ радостію готовы откликнуться на ея призывъ «высказать свои мысли о томъ, какъ лучше устроить школу, чему и какъ учить въ ней, какъ лучше уп-

равлять ею». Комиссія, образовавшаяся при московскомъ областномъ отдѣлѣ Лиги, и посвящается эта статья, какъ отвѣтъ на разосланныя комиссіей главныя положенія доклада В. П. Вахтерова «для обсужденія, исправленія и дополненія».

1. Въ 5-мъ положеніи доклада говорится, что «мальчики и дѣвочки должны обучаться вмѣстѣ во всѣхъ школахъ, отъ низшей и до высшей. Отъ такого совмѣстнаго обученія можно ждать только пользы». Въ совмѣстномъ обученіи нѣтъ особеннаго вреда, но, не будучи знакомъ съ самымъ докладомъ, я не могу понять, какое такое значеніе онъ придаетъ полу въ дѣлѣ обученія. Мои личныя наблюденія убѣдили меня, что близость другъ къ другу дѣтей (не говоря уже о подросткахъ и юношахъ) различнаго пола въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствуетъ на нихъ развлекающимъ образомъ при учебныхъ занятіяхъ. Во время же совмѣстныхъ игръ подростковъ въ пестромъ составѣ учащихся приходилось подмѣчать и такія шалости, когда уже являлась необходимость и въ болѣе строгомъ надзорѣ за ними. Въ низшей начальной школѣ еще возможно совмѣстное обученіе, особенно въ немногочисленныхъ селеніяхъ, гдѣ всего одно училище; но если учащихся много, и для даннаго мѣста не достаточно одной школы, то лучше имѣть ихъ двѣ отдѣльныя—для дѣвочекъ и мальчиковъ; а на высшихъ ступеняхъ обученія и совершенно нѣтъ надобности въ общихъ для обоихъ половъ школахъ, если только въ дѣлѣ обученія не придается какого-нибудь особеннаго значенія близости другъ къ другу учащихся различнаго пола.

2. Въ положеніи объ управленіи школами говорится, что «школы общественныя подлежатъ надзору мѣстныхъ самоуправляющихся учрежденій; при каждой школѣ образуется попечительный комитетъ или совѣтъ изъ учащихся, родителей учениковъ и выборнаго представителя мѣстнаго общества; попечительный комитетъ избираетъ учителей, на которыхъ ему указываютъ учительскіе общества и союзы, рассматриваетъ и утверждаетъ программы преподаванія». По моему мнѣнію, такой порядокъ возможенъ не *при каждой школѣ*. Представимъ себѣ глухую деревню, сплошь населенную землепашцами, пусть даже прошедшими начальную школу. Какое участіе могутъ они принять въ избраніи предлагаемаго имъ учи-

теля? Развѣ назначать ему испытаніе въ умѣньи вести учебное дѣло? И какъ они будутъ разсматривать и утверждать программы, которыя, по мысли самого автора доклада, вырабатываются сообща на учительскихъ сѣздахъ?

Для всѣхъ школъ каждаго типа должны быть общія программы по обязательнымъ предметамъ обученія, чтобы облегчить ученикамъ переходъ изъ одной школы въ другую того же типа въ случаѣ переѣзда на жительство изъ одной мѣстности Россіи въ другую. (Когда «поляки будутъ учиться по-польски, малороссы по-малорусски, литовцы по-литовски», то житель средней Россіи, вынужденный силою обстоятельствъ переселиться въ другую часть своего отечества, напримѣръ, въ Молтавскую, Виленскую или Сѣдлецкую губернію, не можетъ взять съ собою туда своихъ дѣтей школьнаго возраста, такъ какъ тамъ преподаваніе въ школѣ ведется на другомъ языкѣ. Русскіе въ Россіи будутъ лишены свободы передвиженія). По необязательнымъ предметамъ, вводимымъ въ курсъ той или другой школы по мѣстнымъ условіямъ, могутъ быть различныя программы, которыя только въ этомъ случаѣ могутъ подлежать разсмотрѣнію и утвержденію попечительнаго комитета.

«Школы общественныя подлежатъ надзору мѣстныхъ самоуправляющихся учрежденій» только въ томъ случаѣ, если нормальное теченіе школьной жизни явно нарушается дѣятельностью учителя: служебными манкировками, не соответствующими педагогическими приѣмами (жестокія наказанія дѣтей, нравственное растлѣніе и т. г.). Но если школа по видимому функціонируетъ правильно, то всякое вмѣшательство общества въ дѣло преподаванія только будетъ стѣснять учителя и порождать конфликты.

3. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ есть приходящіе 8—9 лѣтніе ученики изъ другихъ селеній, отстоящихъ хотя бы на одну версту, должны быть временныя общежитія, такъ какъ ребенку трудно и часто невозможно ходить въ школу зимой въ метель и морозы, осенью въ слякоть и дождь, а весною по случаю разлива рѣчекъ, зажоръ и т. д.

4. Въ вопросѣ о преподаваніи докладчикъ заявляетъ, что ученики «должны умѣть все, что нужно, правильно написать», и въ то же время предлагаетъ «грамматику вовсе исключить изъ школы». Не лучше ли предоставить самому

учителю избрать тотъ способъ обученія орфографіи, какой онъ самъ признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ — путемъ ли ознакомленія съ грамматикой или посредствомъ практикующагося въ нѣкоторыхъ школахъ пріема, основаннаго на вопросахъ: кому? чему? о комъ? о чемъ? гдѣ? куда? что дѣлать? и т. д. и т. д. У нѣкоторыхъ учителей этотъ способъ «душить дѣтей» сильнѣй грамматикѣ, если только она проходитъ такъ, какъ рекомендуется примѣрной программой, утвержденной въ 1897 году, а именно: «Введеніе въ учебный курсъ начального народнаго училища свѣдѣній изъ грамматики имѣеть главною цѣлью облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія. Свѣдѣнія эти должны сообщаться въ самомъ элементарномъ объемѣ, безъ излишнихъ подробностей, при чемъ не слѣдуетъ однако избѣгать общепринятыхъ грамматическихъ терминовъ».

5. Въ школѣ можетъ не быть ни балловъ ни экзаменовъ, но *необходимо точное опредѣленіе* степени познаній каждаго ученика при переводѣ его изъ класса въ классъ, изъ низшей школы въ слѣдующую высшую, чтобы онъ не затерялся въ массѣ невыхъ свѣдѣній; сбивчивость, неполнота, недостаточность ранѣе приобрѣтенныхъ знаній принесетъ ученику при дальнѣйшемъ прохожденіи курса массу незаслуженныхъ огорченій, виновниками которыхъ явятся учителя, недостаточно вѣрно опредѣлившіе освѣдомленность ученика въ пройденномъ курсѣ. Особенно это важно по своимъ послѣдствіямъ на высшихъ ступеняхъ ученія. Принципіально — въ школѣ не должно быть наказаній. Но если на этотъ вопросъ смотрѣть съ точки зрѣнія его практической осуществимости, то учителя его разрѣшали и будутъ разрѣшать каждый по своему «сообразно мѣстнымъ условіямъ», кто бы что имъ ни писалъ, какія бы указанія ни преподавалъ. Педагогическій тактъ учителя, его опытность и другія личныя качества служатъ для него въ этомъ случаѣ единственнымъ указателемъ. Наказанія за лѣность и шалости учениковъ не могутъ имѣть мѣста только въ идеальной поставленной школѣ, а такая постановка обусловливается не внѣшними писанными правилами, а всѣмъ внутреннимъ строемъ, такъ сказать «духомъ» учебнаго заведенія, что всецѣло зависитъ отъ завѣдывающаго имъ лица, па что указывалось между прочимъ и въ № 1 «Откликъ народнаго учителя», въ статьѣ о городскихъ училищахъ.

На всѣ школы Россіи, съ ея 150 милліоннымъ населеніемъ, нельзя найти однихъ только идеальныхъ учителей; между ними будутъ и обыкновенные люди, съ обыкновенными человѣческими слабостями: не всегда сдержанные, не всегда быстро находчивые, не всегда съ крѣпкими нервами. Для такихъ учителей невольныя педагогическія ошибки возможны и неустранимы, за что, по-человѣчески, ихъ нельзя строго судить, и, навѣрно, многія школы совершенно пустовали бы, если бы, какъ непремѣнное правило, было установлено, что учителя съ указанными выше недостатками не терпимы.

Индивидуальныя особенности учениковъ тоже до безконечности разнообразны: одному больше нравится спокойно воспринимать знанія, преподаваемые по излагательному методу; съ другимъ наоборотъ болѣе примѣнимъ эвристическій; одинъ быстро овладѣваетъ предметомъ и тяготится мелочными, докучливыми для него разъясненіями, во время которыхъ онъ аппетитно зѣваетъ; другой, наоборотъ, тугъ на пониманіе и усваиваетъ все только послѣ тщательной, детальной разработки; этотъ съ удовольствіемъ силитъ дома за письменными и устными уроками (безъ которыхъ нельзя обойтись на высшихъ ступеняхъ обученія), несмотря на всякія домашнія неудобства; тотъ, напротивъ, пользуется малѣйшимъ поводомъ, чтобы уклониться отъ домашнихъ занятій; или-весь классъ внимательно слушаетъ рассказъ учителя изъ исторіи, а одинъ или два ученика, охотники до эвристическаго метода, считая для себя не интереснымъ рассказъ учителя, и другимъ мѣшаютъ слушать его. (Теперь пока не всѣ учителя знаютъ, какъ преподавать исторію по эвристическому методу). Что можетъ сдѣлать учитель съ невнимательными, шаловливыми, лѣнивыми учениками, если онъ не такъ опытенъ въ преподаваніи, чтобы оно было для всѣхъ одинаково интересно и понятно, если онъ не обладаетъ тѣмъ счастливымъ педагогическимъ талисманомъ, посредствомъ котораго безъ всякихъ наказаній можно удержать ученика отъ шалости, заставить лѣниваго съ интересомъ учиться, силою убѣжденія внушить ученику оставить куренье, къ которому его дома приучаетъ родитель? Лишить ученика на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ часа мѣста въ классѣ? оставить заниматься послѣ всѣхъ уроковъ? Но все это-наказанія, которыхъ не должно быть въ школѣ.

Г. Вахтеровъ въ своемъ докладѣ предлагаетъ «отстающихъ дѣтей» выдѣлять въ особыя отдѣленія и поручать ихъ

опытному учителю». Тогда на всю Россію долженъ быть двойной составъ учителей, такъ какъ въ каждой школѣ есть отстающіе ученики, которые обыкновенно отстаютъ по болѣзни, неспособности, вслѣдствіе другихъ неблагоприятныхъ условій, и эта квинтъ-эссенція *будетъ поручаться опытному учителю*, какъ бы въ награду и поощреніе.

6. Заботясь объ устройствѣ новой школы, Лига образованія «озаботится приготовленіемъ новыхъ учителей, соотвѣствующихъ новымъ условіямъ школьнаго дѣла». По моему мнѣнію, несогласному съ предположеніемъ учителя земской школы Ив. С., для учителя низшей начальной школы достаточно пройти курсъ наукъ заканчивающійся третьей ступенью обученія—теперешнія гимназіи, гдѣ онъ и пріобрѣтетъ необходимыя научныя по всѣмъ предметамъ свѣдѣнія, которыми онъ потомъ подѣлится съ учениками начальной школы, въ которой будетъ, можетъ быть, одинъ преподавать всѣ предметы курса. Въ школахъ 2-й и 3-й ступени должны быть учителя, съ высшимъ образованіемъ, специалисты по преподаваемымъ предметамъ, которые въ этихъ училищахъ проходятся въ такомъ обширномъ объемѣ, что одинъ учитель не въ состояніи овладѣть всею массою знаній, необходимыхъ для преподаванія всѣхъ или хотя нѣсколькихъ предметовъ курса.

Спеціальныхъ педагогическихъ учебныхъ заведеній, вродѣ учительскихъ семинарій или институтовъ, можетъ и не быть, такъ какъ въ нихъ общеобразовательный курсъ, за незначительными исключеніями, равенъ курсу другихъ общеобразовательныхъ школъ. Но лицо, прошедшее курсъ наукъ въ той или другой школѣ и желающее посвятить себя педагогической дѣятельности, должно пройти спеціальныя, постоянно функціонирующіе годовичныя педагогическія курсы, гдѣ изучаются только педагогическія науки, какъ теоретически-по извѣстнымъ педагогическимъ произведеніямъ, методикамъ и т. д., такъ и практически на пробныхъ урокахъ въ образцовой школѣ, состоящей при курсахъ. Сами курсы могутъ открываться или отдѣльно съ особымъ составомъ преподавателей, уже извѣстныхъ своею педагогическою опытностью, или-при какомъ нибудь соотвѣствующемъ учебномъ заведеніи, старшіе преподаватели котораго могутъ быть въ то же время и руководителями курсовъ. При такой постановкѣ образованія учителей рѣже будутъ попадать на эти должности люди слу-

чайные, не имѣющіе призванія къ избираемой дѣятельности, какъ, напримѣръ, наблюдается это теперь, когда въ учительскую семинарію или институтъ поступаютъ почти дѣти 16-17 лѣтняго возраста часто по выбору своихъ родителей или по совѣту товарищей и знакомыхъ.

7. «Чтобы дѣти полюбили чтеніе книгъ», не только легкаго беллетристическаго содержанія, но и серьезно-научныхъ, «и умѣли ихъ читать съ пониманіемъ», какъ говорится въ докладѣ г. Вахтерова, для этого недостаточно одного только, чтобы въ каждой школѣ была библіотека. Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ пріучить ребенка къ серьезной книгѣ служатъ между прочимъ хорошо составленные учебники, для *разработки* и распространенія которыхъ отъ Лиги образованія должно потребоваться не меньше труда, чѣмъ для разработки и распространенія эвристическаго метода преподаванія. Въ дѣлѣ какъ школьнаго такъ и внѣшкольнаго обученія не послѣднимъ рычагомъ служить хорошій учебникъ, въ которомъ свѣдѣнія, добытыя, и разработанныя въ школѣ по эвристическому методу при помощи учителя, излагаются вполне опредѣленно, точно, достаточно полно, но безъ лишнихъ мелочныхъ комментаріевъ, красивымъ, сжатымъ слогомъ, что такъ любятъ дѣти и потому все легко и прочно, надолго усваиваютъ. Учебникъ помогаетъ ученику лучше осмыслить объясненіе учителя, для котораго хорошій учебникъ является незамѣнимымъ помощникомъ. Если ученикъ по какой либо причинѣ долго не посѣщалъ школы, пропустилъ много уроковъ, то онъ можетъ догнать товарищей только по учебнику, по которому можно также повторить пройденное и такимъ образомъ возстановить забытое въ памяти во всякое время, какъ по справочной книгѣ.

8. «На содержаніе училищъ, по докладу г. Вахтерова, $\frac{1}{2}$ суммы должно отпускать государство, при чемъ земства богатыя, напримѣръ, въ фабричныхъ мѣстахъ, получаютъ меньше, а земства бѣдныя больше. Остальная сумма на введеніе всеобщаго обученія и на поддержаніе уже существующихъ школъ вносится губернскими и уѣздными земствами, мелкими земскими единицами и городами, по соглашенію между собою». Куда вносится?

По моему мнѣнію, мѣстнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, земствамъ, городамъ и т. д. предоставляется полная

свобода производить какіе угодно дополнительные расходы на содержаніе школъ, ихъ ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе, прислугу, пополненіе и расширеніе библіотекъ и кабинета учебныхъ пособій, устройство школьныхъ садовъ, интернатовъ, ученическихъ чайныхъ, столовыхъ и т. д. и т. д. Но необходимые на полное содержаніе училищъ расходы, предусмотрѣнные ранѣе составленною смѣтою, производятся изъ суммъ, отпускаемыхъ государствомъ и контролирующихся опредѣленнымъ порядкомъ. Въ государственномъ казначействѣ сосредоточиваются тоже народныя средства, поступающія туда какъ отъ бѣдныхъ такъ и отъ богатыхъ земствъ, городовъ и т. д.; государство не есть что-нибудь отдѣльное отъ народа, и ни на какія половинки не должны дѣлиться суммы, назначенныя на содержаніе училищъ; но если средствъ недостаточно въ казніѣ, то можно установить специальный школьный налогъ, пропорціональный доходности земствъ, городовъ, промышленныхъ частныхъ и общественныхъ предпріятій и т. д.

Теперь всѣ усилія общества должны быть направлены на изысканіе всякихъ средствъ (не только матеріальныхъ) для распространенія образованія въ Россіи. Но мы, рядовые учителя, должны разрѣшить много текущихъ школьныхъ вопросовъ, чтобы повести свое отвѣтственное дѣло какъ можно лучше и при настоящихъ условіяхъ.

Лига образованія работаетъ для будущаго-ближайшаго или отдаленнаго-и только «въ предположеніи», что когда-нибудь «восторжествуетъ новый порядокъ». Но въ такомъ предположеніи, въ смутной надеждѣ на будущее, детальная разработка школьныхъ плановъ и проектовъ, рассчитанныхъ на «новый порядокъ», теперь пожалуй преждевременна, пока не предвидится близкой возможности ихъ пракческаго осуществленія. А когда откроется эта возможность, такъ, можетъ быть, тогда установится и новый, непредвидѣнный порядокъ, при которомъ всѣ наши проекты и планы не будутъ имѣть никакого значенія. Поэтому въ настоящей своей статьѣ я высказалъ лишь общія, такъ сказать, поверхностныя предположенія, которыя и представляю вниманію комиссіи по вопросамъ низшей школы.

М. Подшиваловъ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

По сообщенію одного изъ нашихъ корреспондентовъ, въ личномъ разговорѣ съ нимъ учителя удивлялись тому, что въ журналѣ „Отклики народнаго учителя и его досуги“ не могутъ помѣщать статьи лица не учительскаго званія, и подписную цѣну журнала находили нѣсколько высокой.

Въ виду этого считаемъ необходимымъ вновь подтвердить, что мы имѣли цѣлю создать органъ, въ которомъ учащіе въ народныхъ (начальныхъ всѣхъ наименованій и городскихъ по Положенію 1872 года) училищахъ могли бы обмѣниваться другъ съ другомъ своими мыслями; такой органъ, который былъ бы откликомъ *самого* учителя, а не содержалъ въ себѣ статьи, написанныя для учителя; такой, чтобы учащіе называли его „нашъ органъ“, „нашъ журналъ“.

Что же касается цѣны, то мы и сами сознаемъ, что она нѣсколько высока и при первой же возможности понизимъ ее.

Редакторъ-издатель А. Знаменскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Авторамъ просившимъ о присылкѣ отдѣльныхъ оттисковъ съ ихъ статей. Отдѣльные оттиски могутъ быть заготовляемы только во время печатанія книжки, а потому о желаніи получить ихъ слѣдуетъ заявлять заблаговременно,—самое лучшее одновременно съ присылкой статьи.

Кривой Рогъ, А. А. Юркевичу. Если хотите возбудить вопросъ объ обезпеченіи будущности учителей и ихъ семействъ, то переработайте Вашу статью. Требуйте учрежденія всероссійскаго общества взаимопомощи учащихся, требуйте для начальныхъ учителей права на пенсіи изъ общаго пенсіоннаго капитала, требуйте новаго пятикопѣчнаго налога въ пользу учителей, требуйте, наконецъ, еще чего-нибудь, но не обвиняйте „пенсіонную кассу народныхъ учителей и учительницъ“ въ томъ, въ чемъ она не повинна. Если вы познакомитесь съ ея уставомъ поосновательствѣ, то увидите, что это ни больше, ни меньше, какъ „общество взаимнаго страхованія пожизненныхъ капиталовъ для участниковъ и ихъ женъ и опредѣленныхъ ежегодныхъ выдачъ ихъ дѣтямъ до совершеннолѣтія (а въ исключительныхъ случаяхъ и долѣ).“ По этому все, сказанное въ Вашей статьѣ, къ ней непримѣнимо. Конечно, очень печально, что бѣдняки, потерявшіе свои дома во время пожара, не получаютъ ничего, въ то время, какъ богатые люди пользуются большими выдачами отъ страховыхъ обществъ; или что семейство богатаго пассажира, погибшаго при крушеніи на желѣзной дорогѣ, получаетъ крупную сумму, въ то время, какъ семейство бѣдняка, потратившаго послѣднюю копѣйку на билетъ,

не получаетъ ровно ничего, хотя лишилось единственнаго кормильца. Но развѣ справедливо обвинять въ этомъ страховое общество, хотя бы оно было и „взаимнымъ“?—Обязательные участники кассы потому только платятъ 6⁰/₀, а не 12⁰/₀, что 6⁰/₀ за нихъ вносятъ содержатели училищъ (казна, земство, городское общество и т. д.). Учащіе въ частныхъ училищахъ не лишены права быть участниками кассы наравнѣ съ учителями министерскихъ училищъ: нужно только, чтобы содержатели училищъ согласились платить 6⁰/₀ съ получаемого учителемъ жалованья. Такъ дѣлаетъ, напр., управленіе Курдюжскаго завода (на р. Ковжѣ въ Новгородской губерніи) для своего учителя, и это, вѣроятно, не единственный примѣръ. Такъ что у кассы нѣтъ ни „дѣтей“, ни „пасынковъ“: всѣ для нея равны. Если „пасынки“ существуютъ, то не у кассы, а у содержателей училищъ, и касса въ этомъ не повинна: вѣдь она не имѣетъ ни права, ни возможности заставить содержателей училищъ считать учителей „дѣтьми“.

Итакъ повторяемъ: переработайте Вашу статью. Да и заглавіе дайте ей другое.

Въ пространство, С. Мякотину. Посылать статью 28 февраля и воображать, что она пойдетъ въ мартовской книжкѣ—слишкомъ наивно. Вѣроятно Вы слишкомъ усердно смотрѣли на печеніе блиновъ. Но и для блиновъ тѣсто готовится по крайней мѣрѣ за 12—14 часовъ.

Въ пространство, Старику-учителю не Вологодскаго уѣзда. Принято. Пойдетъ въ майской книжкѣ.

Тастуба, Ф. Червякову. Вполнѣ сочувствуя Вашему желанію имѣть въ журналѣ отдѣлъ, въ которомъ сообщались бы свѣдѣнія о событіяхъ нашей общественной жизни, мы тѣмъ не менѣе привести въ исполненіе эту мысль въ настоящее время не имѣемъ возможности, такъ какъ у насъ въ одномъ лицѣ совмѣщаются: редакторъ, секретарь редакціи, конторщикъ, корректоръ и даже разсылный. Осуществить эту мысль можно будетъ только тогда, когда редакціонныя средства будутъ побогаче. Но и тогда мы съ своей стороны полагаемъ бы на первую очередь поставить вопросъ о пониженіи подписной цѣны журнала, а потомъ уже вопросъ о расширеніи его программы.

Автору корреспонденціи о народныхъ чтеніяхъ. Избирать тотъ или другой псевдонимъ—Ваше право, и будьте увѣре-

ны, что мы никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ избраннаго Вами псевдонима не раскроемъ. Но печатать корреспонденцію безъ обозначенія не только мѣста, но даже и губерніи, въ которой находится это мѣсто, мы не будемъ, — это смѣшно.

Автору „воспоминаній стараго народнаго учителя“. Подпись „сельскій учитель“ уже имѣется въ журналѣ („Слуги отечества“). По этому, во избѣжаніе смѣшенія съ другимъ лицомъ, Ваши статьи мы будемъ печатать подъ другой подписью.

Севастополь, А. П. Овенъ. Деньги сданы на почту въ Севастополѣ 17 марта и получены нами 21 марта. О причинахъ замедленія справьтесь у Ворошилова, но редакция во всякомъ случаѣ не виновата.

Н. Н. Судакову. Вы ошибаетесь: редакторъ—дѣйствительно человекъ послужившій (болѣе 30 лѣтъ), но не Послужившій. Послѣдній находится отъ насъ въ разстояніи свыше 800 верстъ.—Кравченкѣ мы послали письмо и отъ него уже будетъ зависѣть сообщить Вамъ свой адресъ. Мы же не считаемъ себя вправѣ ни раскрывать псевдонимы, ни сообщать адреса авторовъ помимо ихъ желанія.

Принимаетъ заказы на всевозможныя
ТИНОГРАФСКИЯ РАБОТЫ:

— — — — —
печатаніе книгъ, бланковъ,
объявленій,

==== А ТАКЖЕ ПЕРЕПЛЕТЫ ====
и ЛИНОВКУ.

==== И ====

НА ВСЕВОЗМОЖНЫЯ КЛИШЕ
(цинкографію, гальванопла-
стику и стереотипную работу)
по умѣреннымъ
цѣнамъ.

Вновь усовершенствованная
фотографія К. А. Баранѣва
работаетъ всевозможными но-
выми способами на разныхъ
бумагахъ: глянцевой, матовой,
и бромистой, а также увеличи-
ваетъ портреты до натуральной ве-
личины даже и со старыхъ карточекъ.

Тинографія и фотографія помѣщается:
Кирилловская ул., собственный домъ въ Вологдѣ.

